

Марик Лернер

Мусульманская Русь

Мусульманская Русь

Марик Лернер

Мусульманская Русь

«Автор»

2011

Лернер М.

Мусульманская Русь / М. Лернер — «Автор»,
2011 — (Мусульманская Русь)

«Нет Бога, кроме Аллаха, и Магоммед пророк его», — сказал великий князь Киевский Владимир Святославович. И обрезал он Русь мечом и огнем. Вот только земли русские находились на очень дальней периферии как мусульманского, так и христианского мира, и даже вера русская получилась не вполне правильная. Языческие пережитки, заимствования у соседних народов и свое собственное представление о роли Руси. Ну не получается у русских жить как все. В 1931 году известный русский журналист возвращается с Ближнего Востока. Начинается очередное обострение международной обстановки в Европе. И у него тоже свои представления о том, что правильно и верно. Представления, иногда отличающиеся от государственных.

© Лернер М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марик Лернер

Мусульманская Русь

С благодарностью Canadagoose за помощь

Если бы Аллах пожелал, Он бы сделал вас одним народом: одного цвета и одной веры, без различия, и сотворил бы вас по-другому, как сотворил ангелов, не имеющих права выбора. Но Аллах пожелал, чтобы вы не были одним народом, одной расой, а чтобы вы обладали возможностью выбирать.

Коран. 16:93

Сентябрь 1931 года

Я стоял, опираясь на ограждение у борта, поздно ночью на верхней палубе парохода с идиотским названием «Ольвия» и пытался настроиться на лирический лад. Прекрасные звезды таинственно мерцают. На них хорошо смотреть в пустыне или в море. Еще в горах замечательное зрелище. Воздух чистый, и не мешает дым, как в городах. Там, где это не просто от печек, а еще и заводы прилежно трудятся, и вообще ничего не увидишь. Прогресс – он имеет и свои отрицательные стороны. Отвратительный запах от заводов и длинные трубы, закрывающие горизонт. При этом возвращаться в леса или пасти конские табуны в диких степях как-то не хочется – жить в комфорте гораздо приятнее.

Морские просторы, плеск волн, рассекаемых этим... форштевнем, противнейшие крики чаек. Никаких чудовищ, выползающих из глубин, не наблюдалось, но я ненавижу морскую воду! Еще с тех пор, как высаживался под Порт-Саидом. Ну да, я не бежал впереди с перекосенным лицом, норовя насадить на штык очередного идиота в чужой форме, мне хватило этого выше крыши в свое время в Австрийскую, а болтался сзади в качестве военного корреспондента. Это не моя война, но когда снаряд попал в наше корыто (и что особенно интересно – единственный снаряд, куда-то попавший), я птичкой вылетел за борт и едва не утонул. Хороших воспоминаний об этом страшно веселом приключении не сохранил.

Еще Луна светит не хуже лампы и нахально подмигивает. В детстве я никак не мог понять, почему она у египтян на боку лежит, а не расположена как у нормальных людей. Теперь знаю. Она у каждого народа своя и любит показываться в разных видах. На севере ее за лодку не выдашь: днище не в той стороне. Чтоб не сомневались, что это чужое место.

Откуда американцы выкопали такое название для своего роскошного корабля, мне не понять. Зачем они вообще плавают в круизы по Средиземному морю – тем более. Две сотни пассажиров первого класса, половина из которых разбогатела на торговле нелегальным спиртным, а вторая – прожигатели родительских капиталов, обнаружившие в себе страстное желание поближе познакомиться с культурой Европы. Марсель, Лион... Пирамиды Египта, греческие храмы античности, итальянские памятники, святые места Иудеи, таинственные просторы заснеженной России. Как они собираются встретиться с тайгой, остановившись в Одессе, или узнать Турцию, мимоходом осмотрев международную зону Истамбула, тайна велика и глубока. Зато программа страшно насыщена, и, вернувшись в родной Арканзас, можно небрежно так, сквозь зубы процедить: «Да был я в этой Венеции, ничего особенного!» Это стоит дороже денег, потраченных на поездку.

Мне, если честно, глубоко плевать на все эти нюансы. Трехлетнее сидение на Ближнем Востоке закончилось, и после законного месячного отпуска я назад не вернусь. Торопиться мне некуда и незачем, а лишнее время стоит употребить на приведение в порядок своих записей и очерков. Пока что мне тонко намекнули на возможность издать мои труды в виде отдельной книги, при условии приведения ее в нормальный вид и сращивание концов в статьях и расска-

зах. Деньги лишними не бывают, и прошли времена, когда меня евреи в каждом баре бесплатно поили. Жители Иудеи остались за спиной, и рассчитывать на это в дальнейшем не стоит.

Я уже понял, что жизнь на корабле чрезвычайно скучна, но зато никто не лез в душу с приставаниями. Я старательно делал вид, что английского не понимаю, а иногда это так и было. Американский английский серьезно отличался от привычного мне нормального британского – такое впечатление, что у них вечно во рту что-то имеется, и все фразы выходят малопонятными и совершенно невнятными.

Большинство пассажиров прямо с раннего утра наливалось алкоголем – и так и ходили до очередного греческого порта. Там они тащились, еле передвигая ноги, мучаясь похмельем и головной болью, мечтая, чтобы экскурсовод заткнулся и оставил их в покое. Все эти живописные достопримечательности и развалины их волновали приблизительно как меня. Только у меня была цель, а чего всех этих типов понесло в круиз по Средиземноморью, понять было сложно. Напиться до скотского состояния они могли прекрасно и в родной Америке.

– У тебя не будет закурить? – спросил сзади женский голос с милой хрипотцой. Я повернулся, доставая из кармана пачку французских сигарет.

– Пойдет, – согласилась женщина, доставая сигарету для себя. Она почти лежала в шезлонге, вытянув ноги. Я присел рядом, щелкая зажигалкой. В колеблющемся свете рассмотрел и понял, что уже раньше видел ее.

На корабле была большая группа разнообразных артистов, работающих для увеселения скучающих пассажиров. По вечерам они давали целые концерты, во время которых мало кто обращал внимание на поющих или рассказывающих анекдоты, кроме меня. Неистребимое желание вовремя натолкнуться на что-то интересное и здесь мешало нормально расслабиться. Профессиональная болезнь журналиста – ловить интересный случай или срочно зафиксировать хорошую шутку. Сейчас без надобности – потом пригодится.

Выступления артистов проходили под смачное чавканье публики в зале и бесконечную выпивку. Пару раз изрядно подгулявшие пассажиры устремлялись прямо на сцену, намереваясь показать, какие они замечательные танцоры. Зрелище было убогим. Я все больше тренировался в общении. Говорил-то более или менее нормально, но попробуй на слух разобрать песни, да еще и понять, о чем они. Некоторые словосочетания ставили в тупик, но в поэзии это всегда так. Адекватно перевести на другой язык невозможно, в этом и интерес – разобраться. Как ты начинаешь понимать песни, значит, проблем в общении не будет.

С юмором та же история. Иные шутки поймут только носители языка. Не каламбуры всякие, а то, что на злобу дня. Американское кино настырно лезло во все дырки, вытесняя европейское, и все-таки в кинотеатрах показывали не худшие образцы продукции, но, по мне, слишком часто Голливуд работал на потребу зрителя с невзыскательными вкусами.

– Не хочу идти к себе в каюту, – доверительно сказала женщина.

Я напрягся и вспомнил имя – Анастасия. То есть вроде это сценическое, но другого я не помнил. Достаточно странно звучит для американцев, но их эстрада до сих пор особо не волновала.

– Суки наши хозяева, и круиз весь сучий... Запихали в одну комнату сразу четырех разновозрастных баб, чтобы сэкономить. Одна храпит всю ночь. Другая, как натуральная проститутка, мужиков водит и деньги с них берет, а третья все по магазинам в портах бегаёт и ищет что подешевле. Потом тащит все в каюту, повернуться уже негде. – Она взмахнула рукой с горячей сигаретой и громко заявила: – Достали уже все!

До меня с изрядным запозданием дошло, что она порядочно выпила.

– Жизнь собачья, приходится стараться для всяких козлов, – продолжала она рассказывать мне, – платят ерунду, да еще лезут с указаниями. Докатила до ресторанной певички!

Ее понесло на тему богатых хозяев жизни, причем в выражениях она не стеснялась. В книгах такие фразы не печатают, а после произнесения по радио увольняют диктора.

Вообще-то меня обычно заводят другие женщины. Высокие брюнетки с длинными волосами, с большой грудью и широкими бедрами. Это был не тот случай. Маленькая блондинка с короткой стрижкой и в халатике, который, особо ничего не скрывая, демонстрировал купальник. Грудь там была... Как раз в ладонь спрятать. Но ноги красивые, и я отдыхал, а в таких случаях положено развлекаться.

– Зато у меня каюта имеется отдельная, – сообщаю. – Пойдем, покажу.

– Да? – удивленно-радостно восклицает она – И выпить есть?

Тут она сделала попытку подняться, но при этом ее основательно шатнуло, так что пришлось срочно поддержать. Веса в ней было немного, особых проблем в доставке ко мне быть не могло, но всю дорогу она порывалась что-то спеть, время от времени повисая на мне и теряя тапочки. Первый раз я ее прислонил к стене и надел ей на ноги вновь, во второй просто сунул эти лишние предметы в карман и, перекинув через плечо новообретенную знакомую, понес по ступенькам вниз. Она довольно кричала про похищение и звала на помощь, заливаясь пьяным смехом.

Я внес ее в каюту и сгрузил на кровать. Отвлекся только на секунду, и она уже сладко спала, разлегшись по диагонали и тихо посапывая. Я тяжело вздохнул. Действительно, не мой тип. Какой смысл был стараться? Завалился рядом, сдвинув ее в сторону. Она, не просыпаясь, что-то пробормотала и вцепилась в подушку.

– Ой, как болит голова, – рано утром сообщила она, садясь на кровати. – Зачем я столько пила?

Она схватила со стола заранее мной приготовленный стакан с водой и начала жадно пить.

Я положил руки за голову и лежа с интересом наблюдал. Вот в ее разломаченную голову поступила информация. Растерянный взгляд по сторонам: явно не понимает, где находится. Потом смотрит на меня – и быстрая проверка. Трусики на месте. Уже не знает, что и подумать.

– Ты кто? – растерянно спрашивает.

– Я – добрый самаритянин, – торжественно сообщаю, – не бросивший пьяную женщину на произвол судьбы и уложивший ее в кровать. Без всяких сексуальных приставаний. Хотя, – я откровенно осмотрел ее с головы до ног, – может, и стоило.

Вслух я этого говорить не стал, но в солнечном свете, даже в таком не слишком адекватном состоянии и не накрашенная, она очень даже приятно смотрелась. Моложе, чем мне казалось издавна, где-то даже тридцати нет, стройненькая, тонкая шея и симпатичное личико с чистой кожей. И спинка такая... соблазнительно гладкая. Да и на ощупь она мне понравилась: пока тащил на себе, обнимая за талию, пихая в попу и хватая за прочие места, чтобы не рухнула, организм вполне себе одобрительно реагировал.

– Просто, – поясняю для слушательницы, – не люблю, когда женщина ничего не соображает. Таблетки от головной боли я положил на стол. Ага, – соглашаюсь, когда она берет в руки упаковку, – вот эти самые. Лучше две. Хорошо помогают.

Она торопливо налила из графина в стакан воды и запила, быстро закинув в рот.

– Душ там, – показал я. – Полотенце тоже имеется. Одежды женской, извини, нет.

Она внимательно посмотрела на меня и, завернувшись в простыню, удалилась в указанном направлении. Через минуту оттуда послышался шум воды.

Впереди еще неделя путешествия, и совместить приятное с полезным всегда неплохо. Лучше всего языки изучать в постели, да и сам процесс мне интересен. Люблю начало новой жизни! Не имеешь понятия, что тебя ждет, и должен быть готов ко всему. Кровь играет, голова постоянно работает, рассматривая варианты, новые интересные люди возникают.

– Так как тебя все-таки зовут, добрый самаритянин? – спрашивает она, вернувшись.

– По паспорту – Берислав Темиров, – изображая вежливый поклон, говорю я. Пока она купалась, я успел встать и одеться. – Можно просто Слава. Друзья зовут Берик.

– Берущий Славу, – задумчиво говорит она. – И что делает потомок известного рода на нашем пароходе? – неожиданно переходя на русский язык, спрашивает.

На самом деле это она только думает, что правильно говорит. В одной фразе две ошибки и неправильное произношение, но в ее исполнении звучит вполне мило и понятно. Что-то похожее я слышал двадцать лет назад в южной Польше. Австрийские поляки еще местами сохранились по деревням в те времена.

– Это ты путаешь: мы не те Темировы. Совсем другая ветвь. Страшно захудалая и изрядно бедная. Все вечные инженеры, доктора и военные. Впрочем, пользы от нас всегда было больше, чем от родовитых чиновников, но не особо знаем с теми Темировыми.

– Но ведь такие говорящие имена обычно давали первому в роду с княжеским титулом, – демонстрируя неожиданные познания, возражает.

– Титул у нас теоретически имеется. Не по древности рода, а за заслуги, без земли. Только не у меня – он всегда присваивается первенцу мужского пола. Я всего-навсего третий сын, просто мать у меня была второй женой у отца и с излишним честолюбием, которое стремилась удовлетворить за мой счет. Очень ей хотелось большого будущего для меня. Да и толку от этого, когда все эти родовитые приставки уже очень давно отменили, а у нас и земли-то было в те времена – любой фермер бы обсмеял. Как собирались в родовом поместье всей компанией, так приходилось на улице спать. В дом не вмещались. В детстве мне это очень нравилось. Можно было бегать по нашему саду по ночам и спать в палатке.

– И сколько вас? – с легким испугом спрашивает.

– Ну... человек тридцать прямых родственников, не считая разных двоюродных. Сын и три дочери от первой жены, двое сыновей и дочь от второй. Один, правда, в Австрийскую погиб, но у него двое уже взрослых детей. Так что жены, мужья, дети, родной брат отца, две тетки, старшие братья моей матери. У них свои жены и дети. Много... Как по праздникам собираемся, так вообще тьма народу, не всех и вспомнишь сразу. Родственные связи в нашей жизни до сих пор не последнее дело. В принципе род Темировых, исключительно наша ветвь, – это почти две тысячи человек, и это только близкие родственники, – объяснил я, с удовольствием наблюдая, как у нее округляются глаза.

Полной лекции на тему, что такое род Темировых или еще какой, я все-таки читать не буду, мысленно хмыкнув, подумал я. Уж очень это непривычно прозвучит для воспитанной по-западному. У них в почете индивидуализм и желание поскорее отделиться от родителей и зажить собственной жизнью. Мы не такие.

Наверное, это все-таки влияние ислама. Других объяснений я найти не могу. Пусть нас хоть сто раз считают экстремистами и даже пытаются любыми путями доказать, что мы вредоносная секта, извращающая правильное учение, но в основе мы мусульмане, и от этого никуда не деться. А что в результате приспособления ислама к российским условиям и вызова с Запада вышел такой нетривиальный результат, то пока что все эти арабы прыгают по нашей команде и усиленно кланяются, а не наоборот. Значит, путь был правильным. Мы не Запад и не Восток. Мы – евразийцы. Набрались и от тех, и от других. В целом – положительного, но имеются и неприятные черты. У какого народа их нет.

И при этом, будучи страшно модернизированными снаружи, мы внутри все равно имеем железный стержень и гнуться даже перед российскими законами не собираемся. Семейные конфликты за все время с прихода к власти Диктатуры наружу так ни разу и не вышли. Всегда умудрялись как-то решать без привлечения общественности и юристов. Только значительно повзрослев и много чего повидав, я стал понимать, насколько это сложно – лавировать в таких делах и по возможности быть справедливым, и какой авторитет имеет среди остальных мой отец, абсолютно мягкий в семейной жизни. Когда была реальная необходимость, он всегда мог настоять на своем, в обычное время послушно выполняя капризы жены, но кто хозяин в доме – никогда и ни у кого сомнений не возникало.

Род мы действительно небогатый, но система отработана не нами и давно. Каждый работающий отдает в общий фонд десять процентов заработка. Фондом распоряжаются выборные люди, и оттуда идут деньги на помощь нуждающимся, на обучение, лечение. Своего рода страховая компания и банк на разнообразнейшие случаи. Уж на что я далек от всех этих дел и появляюсь дома хорошо если на пару дней в году, но всегда стабильно перечислял в общий фонд. Я не забыл, как в тяжелейшие годы после Австрийской войны и во время кризиса смог учиться именно за счет рода. Если есть возможность помочь кому-то, пусть даже лично мне не знакомому, но из Темировых, я это непременно сделаю. А вот благотворительности вообще не понимаю, не принимаю и участвовать никогда не буду.

– А как насчет твоей жены? – с изрядным любопытством спрашивает женщина. – Не мальчик уже.

– Я вдовец. Она погибла.

– Извини, я не хотела.

– Да ничего. Давно это было, все уже перегорело...

Иногда я думаю – как сложилась бы моя жизнь, если бы не случилось того, что случилось. Любовь? Да не было между нами этой самой неземной страсти. Была дружба, и иногда это важнее. Мы были знакомы с детства и прекрасно друг друга понимали. И точно так же, с детства, мы оба прекрасно знали, что наши родители давно обо всем договорились. Когда я вернулся с войны в далеко не лучшем психическом состоянии, она была рядом и подставила свое далеко не могучее плечо под мои рассыпающиеся мощи.

Уходил-то я один, а вернулся совсем другой. Война и смерть ломает человека, и я не исключение. Идеализм, с которым я пошел добровольцем, добавив себе недостающий год, очень скоро испарился без следа под напором реальной жизни. Ты становишься волком, готовым вцепиться клыками в горло врага, и цель твоя – выжить. Мораль мирного времени исчезает бесследно при виде того, как трупы после очередного наступления складываются в аккуратные штабеля или сваливаются кучей в воронку от тяжелого снаряда. Под газами, пулеметами и многочасовыми артобстрелами ты превращаешься в зверя, который хочет выжить. Говорят, мы потерянное поколение, так и не оправившееся от сломанной в начале века судьбы.

Я ведь тоже мог спиться, как многие другие, если бы не Дарина. Она меня заставила продолжать жить, пиная и пихая. И все уже наладилось более или менее, и цель в жизни появилась с ее беременностью, но захотелось съездить к родственникам домой. Никто не виноват, что как раз вспыхнуло очередное восстание. И шальная пуля, убившая мою жену, тоже ни в чем не виновата. Только мне было глубоко плевать, кто виноват, когда я во второй раз пошел добровольцем. Ярославскую, Кубанскую и Донскую добровольческие бригады будут еще долго помнить на Кавказе.

Помнить и бояться. Не только горцы знают, что такое кровная месть. В войне двух народов побеждает тот, чья воля сильнее. Мир будет тем длительнее и успешнее, чем больше вас будут бояться. Чем резче отреагировать на первое же выступление противника, тем дольше он будет сидеть тихо. Лучше один раз всерьез пустить кровь, употребляя всю имеющуюся мощь, чем много лет отвечать на набеги набегами. Погибших и пострадавших будет ничуть не меньше, но за эти годы бесконечные стычки войдут в привычку и не вызовут никакого возмущения. Один раз, но решить проблему радикально. Заодно и другие посмотрят и не посмеют нападать, зная, чем кончится.

Не для того создавалась нашими предками Русь, чтобы мы позволили ей развалиться. Восстания поднимались под лозунгами борьбы с «безбожниками, которые попирают власть Аллаха», и мы наглядно показали, что Аллах лучше знает, кто прав. И если для этого надо было убивать священнослужителей, женщин и детей, – мы это делали. Нет больше тех аулов, и никогда больше не будет, а остальные запомнили, что русские не изменились. Они принесли на Кавказ свою власть, хорошо всем знакомое зная, и уходить оттуда не собираются.

По отношению к преднамеренному убийству Аллахом предписаны верующим законы (шариат). «О те, которые уверовали! Не следуйте за несправедливым возмездием язычников. Мы предписали вам возмездие за преднамеренное убийство: свободный – за свободного, раб – за раба и женщина – за женщину. Основа возмездия – убить убийцу... Тому, кто не будет следовать в этом шариате и нарушит его, будет мучительное наказание в настоящей и будущей жизни»¹. Мы хорошо запомнили, чему нас учили в детстве.

Мы не просто громили горцев: равнинная территория была теперь плотно заселена крестьянами, завозимыми из центральной России, где давно уже ощущалось аграрное перенаселение. В горах селили аварцев и дагестанцев, поддержавших русских в самое неприятное время, и на которых можно было в дальнейшем положиться. Не потому что они чем-то отличались в лучшую сторону, а нормальная политика, когда слабые группы становятся союзниками врагов своих врагов. Соседи при случае непременно бы им напомнили, и старые счета никуда не делись. Вот и удобно было поддерживать такие отдельные группы.

Неплохие участки получили и бывшие добровольцы. Про нефтяные месторождения и раньше знали, но Беноевское, Дылымовское, Чанты-Аргунское, Исти-Суйское и другие находились на территориях сельских обществ, и выход был очень незначительный. Теперь в те места пришел капитализм, и были созданы акционерные общества из новых владельцев. Денег у офицеров, естественно, не было, но под такое дело они нашлись у заинтересованных банков.

Теперь в тех краях бурлит кипучая деятельность, а мы, хоть и не стали поголовно миллионерами, но на хлеб с маслом и икрой хватает, и еще остается. Счастье еще, что все прекрасно крутится без меня. Собственно, я даже и не знаю, кто там за меня в поте лица работает. Свои акции я по доверенности отдал на управление в семью, и только стабильно капающие золотые дирхемчики, совсем не маленького размера, регулярно подтверждают, что иногда патриотизм приносит неплохие доходы. Говорят, большой теперь город вырос и железные дороги провели. Сейчас утверждают проект трубопровода, и неминуемо я все-таки стану не просто богатым, а очень богатым Темировым.

Вот там, на Кавказе, я и стал тем, кем стал, изливая на бумагу свои мысли и чувства сначала для себя, а потом начали печатать и в газетах. Может, стиль мой и не слишком красив и кудряв, но писал я правду и, абсолютно независимо от меня, угодил чуть ли не в идейные руководители своего поколения прошедших войну и вспышки восстаний. Вот про Австрийскую я так и не смог писать. До сих пор не могу спокойно вспоминать погибших друзей. Из моего школьного класса всего несколько живых и осталось, а ни разу не раненных и вовсе ни одного. У меня еще легкий случай. Наступал сорок восемь суток, в обороне сидел двести шестьдесят четыре – и триста пятнадцать по госпиталям. Ничего не оторвало, и почти целый.

Зато поездил потом по горячим точкам. Китай, Пуштустан, Турция, Армения, Иудея. Везде, где что-то происходило серьезное, я появлялся чуть ли не первым. В основном это не моя заслуга, а главного редактора «Красной Звезды», прекрасно умеющего держать нос по ветру и имеющего неплохие связи и в армии, и среди политиков, но писал я о том, что я видел, что интересно было людям, и честно. Насколько это возможно. Абсолютно непредвзятые репортеры – мифология посильнее сказок про джиннов, вылезающих из лампы.

– Так что еду я домой, – честно сознаюсь, – после длительного проживания в дальних краях. Пора навестить родственников и узнать, чего там хорошего за мое отсутствие в стране случилось. А пароход ваш просто случайно подвернулся. Не трястись же мне на обычном грузовом, а ничего больше подходящего не нашлось. Вот собираюсь выяснить, чего интересного происходит в среде богатеньких американцев. Может, повстречаюсь с миллионершей и страшно ее обаяю. Как насчет молоденькой наследницы старого, уже впавшего в маразм Морган-Ротшильда?

¹ Коран, 2:178.

– Много кто есть, – вздохнув, сказала она, – но это не по адресу. Тебе надо пообщаться с этими... пассажирами.

– А вчера ты их называла совсем в других выражениях, – наябедничал я. – Я даже таких слов не знаю – мои учителя их не употребляли, а в книгах не печатают. Очень интересный аспект английского. Раньше я считал, что ругаться только русские умеют.

– Что-то мне подсказывает, – покраснев, сказала она, – что ты все прекрасно понял.

– Так догадаться не так сложно, по общему контексту. Но ты потом повторишь, а я запишу. В жизни пригодится.

«Хотя, – подумал я, – лексикончик был нестандартный, но я и похуже слышал. Солдаты еще и не такое скажут, а эта где набралась? Придется слегка пересмотреть взгляды на скучную американскую жизнь. Они там вроде бы неплохо отжигают».

– Если не секрет, откуда такие познания в русском?

– Мои отец с матерью удрали от вас еще после Австрийской. Эмигрировали в США от погромов. Мы – русины, – гордо заявляет. – Там теперь большая община православных живет, а дома всегда по-русски говорили.

– Не знаю, что тебе рассказывали, но вот православных мы как раз и не трогали, – нарочито обижаюсь. – Поляки – те да. Очень многим кисло было после войны. А не надо было австриякам задницу лизать. Перед венграми и то так не унижались. А ваших никто не трогал. В России всегда очень лояльно относились к христианским ортодоксам и прочим гонимым. Мы вообще, – иронично улыбаясь, заявил, – сектантов разных и национальные меньшинства любим. Уже почти полторы сотни лет как всеобщее равноправие. Разве что при Каганате на высшие государственные должности не назначали, так давно в Республике живем, и никаких проблем. Вон Царство Армянское какое отгрохали...

– Я пойду, – решительно сказала она и встала.

Не хочет вести дискуссию об этих делах. Уже хорошо. Значит, не глупая и соображает, что на любые воспоминания ее дедушки с бабушкой я моментально завалю ее кучей фактов и законов. Ясное дело, наличие закона еще не означает его выполнения, иногда совсем они не выполняются, но исторического она не кончала и смотреться дурой не хочет.

А армяне нам лучшие друзья, без шуток. Персы их резали, турки не стеснялись, а мы и с теми, и с другими несколько раз воевали. Всегда полезно врага своего врага поддержать и помочь. Им все равно, кроме Руси, не на кого опереться, и чуть не со Средневековья на нашей земле общины армянские проживали.

– А правда ничего не было? – уже на пороге внезапно спрашивает меня.

– Чистая правда, – положила руку на сердце, подтвердил я. – Но я этого так не оставлю, – сообщил я уже закрывшейся двери, – вечером непременно увидимся!

Я потянулся с большим удовольствием и отправился умываться. С этим на пароходе дело обстоит прекрасно. Обслуга здесь вышколенная, и простыни-полотенца меняют регулярно. Даже в хорошей гостинице не так предупредительны, да оно и понятно. На нашей плывущей роскошной коробке бедняков не водится, а богатым пожаловаться начальству – самое любимое дело. Отвык я от этого общества, да никогда и не вхож был. Тем более не имел раньше дела с этими наглыми американцами.

После душа без особого энтузиазма устался на столик, где вчера свалил кучу бумаг с выписками. Вытащил наверх пепельницу и закурил, усаживаясь. Договора на книгу у меня пока нет, что там начальству пришло в голову – не очень понятно, но не верится, что дадут спокойно пожить. Не стали бы вытаскивать домой, если бы не имели в заглавнике очередной сногшибательной идеи. Белов мужик хороший, но одно дело личные отношения, и совсем другое – когда звонят с самого верха. Я уже давно могу себе позволить слегка покапризничать и не особо оглядываться на цензуру, но пока никто не стоит над душой, требуя очередного крайне срочного репортажа, стоит заняться тем, о чем давно мечтал.

Впрочем, подумал, уставившись на исписанную толстую тетрадь, легче загореться идеей, чем ее осуществить. Обычно я не особо задумываюсь и пишу о реальных вещах, естественно, добавляя свои мысли. Здесь требуется другой подход. Художественная литература – совсем не очерки на тему «где опять стреляют и кого Руси поддерживать».

А мне вот хочется не просто палец сосать, создавая выдумку, а рассказать об истории своего рода. Слава Аллаху, материала столько, что выше крыши. С детства в голову забивают полную родословную на десяток поколений, а если очень захочешь, можно и глубже залезть.

Первое письменное упоминание о предке еще к семнадцатому веку относится. Тут я поймал себя на том, что вспомнил по христианскому календарю, а не нормально. Привык уже. Поначалу, с новым летоисчислением большая беда была. Религиозные праздники по одному – живем по другому. Вечные нестыковки. Из-за лунного года даты гулянок и молитв постоянно сдвигаются. Ничего, на это изобрели в стародавние времена отрывной календарь. Там все точно и подробно написано, и в каждом доме висит. Никаких сложностей.

О чем это я? А! Про нашу знаменитость... Хотя это он в летопись попал в XVII веке, а что там раньше – исключительно в сомнительных устных преданиях. Но я-то сильно умный и совсем не прочь прославиться не только у нас, но и за границей. Значит, требуются подробности, которых ни одному нормальному русскому объяснять нет необходимости. Как начать? Вестимо, с Владимира Святославовича. А вот и подстерегает самый настоящий облом. Что там дальше было, я более-менее представляю, начиная с детей Ярослава, а с Владимиром полная недомолвок глубочайшая яма.

Большинство документов тех времен пропало в позднейших войнах, часть сознательно уничтожили. Исторические документы, появившиеся до XIV века, дают мало информации о процессах, происходящих на Руси. Распространение мусульманства и методы только изредка упоминаются. Вот убили язычники присланного муллу, и князь их наказал. Как? Что он сделал? Ничего не понять из единственной строчки. То ли вырезал всех до седьмого колена, то ли штраф наложил на поселок. Если духовенство до прихода мунголов и играло важную роль, то это нам абсолютно неизвестно. Несколько легенд и пара упоминаний известных имен. Духовные училища были, и влияние из Персии имелось. Древнерусская ногата соответствовала арабскому дирхаму и получила свое название от арабского слова «накд» – полновесная монета, а точно про происходящее в стране мы уже ничего не узнаем. Да и нынешний дирхем происходит от тех времен.

На Руси при Ярославе появилась «Русская правда» – свод законов, обязательный для всех жителей Владимирской Руси. Дикая смесь шариата, древних русских традиций и обычаев. И мусульманские богословы потом долго спорили – что применять, а что не соответствует. А как судили кади на местах и чем руководствовались, сейчас не разобраться. Если уж до наших времен дошло так много, что сунниты всерьез считают нас еретиками, косящими одним глазом в язычество.

Пользоваться исключительно предвзятыми византийскими или очень смутно представляющими себе, что происходило на Руси, арабскими источниками – глупо. Но не принимать же на веру Радзивилловскую летопись, написанную предположительно в начале XIII века и сохранившуюся в двух списках XV века. Ведь, если вдуматься, бред натуральный!

«Пришли болгары магометанской веры: уверуй в закон наш и поклонись Магомету. Спросил Владимир: какова же вера ваша? Они же ответили: веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато многоженство разрешено. И сказал Владимир: на Руси есть веселие пить, и не можем без того быть».

А вино? Так мы медовуху больше уважаем. Что там сказано точно? И ответили болгары растерянно. В суре 5-й «Трапеза» говорится: «О вы, которые уверовали! Вино, майсир², жерт-

² Майсир – азартные игры (арабск.).

венники, стрелы – мерзость из деяния сатаны. Сторонитесь же этого – может быть, вы окажетесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и молитвы. Удержитесь ли вы?»³ И еще: последователям было сказано не приступать к молитве в нетрезвом состоянии.

«Я правильно понял запрет на вино?» – спросил Владимир. И сказал Путята: «Проклят, кто растит виноград для брожения. Напротив, выращивание фруктовых деревьев с целью есть или продавать их плоды – добродетельный акт, за который Аллах награждает нас».

Самое важное для Владимира было – выпить, других забот на тот момент не имел. В византийской истории еще и похлеще имеется, про блуд, которым князя булгары соблазняли. Типа, на этом свете можно иметь четырех жен и любое количество наложниц, а на том – еще и эскадрон девственниц. Ну да, гуляка был князюшко, о чем и в старых сказаниях отголоски имеются, так он и без того, по слухам, имел не то две, не то три сотни подходящих девиц. Еще и Путята стоит сильно умный рядом. Кто такой – летописец запомнил объяснить, а больше он ни разу не упоминается. Хотя вру. Еще Киев грабил позже, громя христиан, но это уже в скандинавских сагах проскочило, и там имена вечно коверкаются, может, и не тот. В русской летописи отсутствует – там упор на деяния князя Владимира, и она явно несет следы подражания сказаниям о Святославе. Пришел «аки пардус» и обрушился на головы своих врагов! Результат вышел для киевлян неприятным. Вся христианская община была уничтожена. Церкви и молельни христовых слуг были преданы огню.

Путята – судя по имени, славянин, как и упоминающийся по соседству Добрыня, но запросто цитирует Коран на арабском. Случайно мимо проходил. Абсолютно темная лошадка – не удивлюсь, если вставленная потом. Особенно хорошо у летописца прозвучало, что Владимир устраивал диспут-соревнование между миссионерами разных религий. А то он был не знаком с христианами и булгарами. И с теми, и с другими не так давно рубились, и торговали уже не первый год.

На самом деле более логичным было принятие христианства. Первые сведения о появлении крещеных и наличии церквей в Киеве у руссов относятся к 860–870-м годам. Основной торговый маршрут шел через Киевские земли на юг. Классический путь из варяг в греки. И стали бы мы, русские, нормальной католической Европой. Со всеми присущими им грехами и добродетелями. Про греческую ортодоксию мне даже думать страшно. Посмотришь на Балканы – и плакать хочется от тамошней паршивой жизни. Все православные государства плохо кончили, а без Руси до сих пор сидели бы под турецким задом и не трепыхались.

Были в очень логичном принятии христианства только две изрядные проблемы. Одну из них современный историк Рыбаков, автор многих книг по истории Руси, очень точно обозначил: «Цесарь империи был в глазах ортодоксальных греков наместником бога и главой как государства, так и церкви. Из этого делается выгодный для Византии вывод: любой народ, принявший христианство из рук греков, становился вассалом греческого императора, политически зависимым народом или государством».

Принятие христианства недвусмысленно ставило Русь в подчиненное отношение к Византийской империи и давало повод для признания своей вассальной зависимости от Василевса. Неминуемо Русь бы заволокли греческие монахи, и указания они бы получали от своего руководства. При том слиянии церкви и государственных органов, которое существовало в Византии, христиане обязательно начали бы проводить политику, идущую вразрез с чаяниями княжеской верхушки. Ко всему прочему, принятие христианства отрезало для Владимира путь его отца Святослава – стремление к созданию империи под своим началом. Ничего в этом смысле Владимир не выигрывал, крестясь. Перед глазами был пример балканских болгар,

³ Коран, 4:43.

попавших в подчинение к Византии и воюющих за свою свободу. Одна вера мешала убивать друг друга? Нет!

Именно поэтому он, скорее всего, и не пошел старой, наиболее логичной дорогой. Византия очень внимательно следила за сохранением контроля над берегами Черного моря. Самостоятельно разгромить ее на тот момент было крайне сомнительным мероприятием. Требовались союзники, а лучше подчиненные, покорно следующие за Владимиром.

Мусульманство, в отличие от христианства, давало относительную независимость. Прямого подчинения халифату не было, зато в противостоянии с христианами появлялась новая серьезная нота. Ко всему он еще и автоматически превращался сам в главу мусульман, на манер халифа в своих владениях, и мог контролировать действия особенно фанатичных деятелей и указывать им правильное направление. Совсем немаловажное обстоятельство – совмещение духовной и государственной власти в одних руках.

Требовалось окончательно закрепить подчиненное положение волжской Булгарии, а без общей религии это было практически невозможно. Мусульмане всегда будут косо смотреть на язычников. Заодно у него появился мощный и богатый вассал, послушно присылающий армию для борьбы с Византией.

Учение Мохаммеда (мир ему) на тот момент было более прогрессивным и отвечало стоящим перед Русью задачам, проповедуя экспансию. Заодно оно и содействовало решению внутренних задач. Ислам позволял принять мировую религию – и при том противопоставить себя тем, кто нес веру в Христа.

А торговля от этого не исчезла. Более того, с подчинением Крыма и в весомом опасении нового нашествия руссов Византия подтвердила старые договоры 911 и 944 годов, обеспечивающие интересы Руси. Право посещения Константинополя и нахождения в городе в летние месяцы было четко зафиксировано в очередном договоре. Очень не хотелось грекам получить еще одну серьезную войну. Неофиты всегда рьяны доказывать превосходство и не стесняются применять оружие в спорах. Конечно, потом неоднократно договор нарушался, но такое и раньше бывало. Зато теперь Русь имела свободный выход к Черному и Азовскому морям, брачные связи с вассальной Булгарией и не нуждалась больше в посредниках при прохождении по Волге вплоть до Каспийского моря.

По-прежнему товары шли с Востока на Запад, но теперь они все проходили через руки Кагана. Уже не князя, а самого настоящего хозяина империи. Походы еще были неоднократно, приводя к окончательному повиновению Булгарию, затем на юг, на север.

Для большей связности территории и пытаясь убрать из-под христианского влияния своих ближников (а в Киеве даже после уничтожения наиболее одиозных проводников греческой политики влияние торговых интересов слишком сильно чувствовалось), Владимир основал в качестве своей новой столицы город на Оке – так, чтобы и до Днепра, и до Волги было одинаково близко, – заодно отрывая новообращенных от их земли. Теперь они служили не своим племенам – исключительно лично ему. Заодно и убрал подальше от вероятного удара с Запада свою столицу. Не так много времени прошло, и уже при внуках его боролись не за великокняжеский престол в Киеве, а за город, откуда правит Каган, – город Владимир, столицу государства Русь. И называлась страна, уже даже расколотая, все равно Владимирской Русью.

Вторая проблема была не менее важна, может, даже и более. Кто, собственно, был Владимир? Убийца собственных братьев. Сын рабыни.

Власть взял силой при помощи норманнских наемников. Законных прав на престол не имел и, что называется, сидел на штыках. В его случае – на мечях чужаков. Его власть была неустойчива. Христиане его не выносили, судя по всему. Он мог удерживать страну военной силой, но при малейшей оплошности голову поднимут недовольные, подзуживаемые из Константинополя. Владимиру требовалась опора на стороне. Побитые хазары на эту роль не подходили, а Аллах, как победоносный Бог, вполне попадал в его понятия и ментальность.

История доказала правоту князя. Росли стремительно города. С востока шли не только товары на продажу, но и культура. Как бы к этому ни относиться сейчас, арабский мир был на подъеме, и многие раритеты, попавшие на Запад, включая книги, потерянные в Темные века, пришли в переводах именно от арабов. Русь познакомилась с ними гораздо раньше Европы. Важнейшее последствие, перекрывающее все его достижения и неудачи, состояло в том, что никогда на Руси не было крепостного права. Мусульманин не может быть рабом мусульманину! Мы не пошли по пути Европы и ничуть об этом не жалеем.

* * *

– И чего хорошего вы добились? – убежденно говорил мне страшно известный во всем говорящем на английском языке мире комик. Даже в кино снимался, но я так и не удосужился сходить. Фамилию его я не помнил и звал исключительно «сэр Чарльз».

До сэра он на самом деле не дорос, так и оставшись на всю жизнь классическим еврейским типом, и постоянно подчеркивал это в своих репризах. Он вполне справедливо рассудил, что если уж все равно обратят внимание на внешность, лучше довести это до крайности, – тогда будут смеяться не над внешностью, а над словами.

Впрочем, как в анекдоте, звать его было не надо: он с удовольствием сам подсаживался и уже не закрывал рта. Не за качественную ресторанную еду старался, которой я его с удовольствием угощал, внимая пламенным речам. Концертную группу не обижали, и они неплохо стоялись – он работал в основном за дорогую выпивку и желание пообщаться.

Кладезь информации такие люди. Теперь я знал множество подробностей про свою новую знакомую. Зовут Эшли Гран. Как я подозреваю, на бывшей родине родители были кем-то вроде Граневских. Анастасия – это на самом деле сценическое имя. Продюсер придумал для звучности и экзотики.

Двадцать пять лет. Мужа нет, постоянного любовника тоже.

Жила в детстве в каком-то захолустном американском городке с населением под двадцать тысяч. Никогда такого названия не слышал, но это и не суть важно. Отец – обычный работяга на заводе. Мать пробилась в учительницы в школе, что совсем непросто. К моменту приезда была не девочка, уже своего ребенка имела. Чему-то там мисс Гран училась, и это семье без особых капиталов, живущей от зарплаты до зарплаты, дорого стоило.

Эшли имеет характер и мозги тоже. В том, что она петь умеет, я и раньше не сомневался. Не обязательно быть самому певцом, чтобы оценить голос. Училась у небезызвестного Стивенса. Про этого я тоже слышал, правда, в несколько ином качестве, чем самозабвенно хлопающие американские граждане. Он специально приезжал в Россию просить за американского шпиона, не первый год томящегося в камере. Где, интересно, эстрада, и где шпионы? Ну, надо ж понимать, что мы очень любим джазменов на самом высоком уровне, и иногда проще договариваться неофициально. Тоже вроде меня – в штате не состоит, но отдельные просьбы с энтузиазмом выполняет. Всю жизнь терся возле начальства и замечательно жил.

На каких-то конкурсах начинающих исполнителей Эшли занимала первые места. Даже почти успела отхватить главную роль в мюзикле, но грянул скандал, и так хорошо начавшаяся карьера неожиданно оборвалась. Мне вот такие действия, когда слишком много себе позволяющие богатые козлы лезут под юбку и получают резкий отпор, нравятся. Обычно много о себе воображающая богема за пачку денег сделает все что угодно. Жизнь этот представитель золотой молодежи ей всерьез испортил, но и ему показываться по прежнему месту проживания не рекомендуется. Газеты любят вспоминать надетый на голову салат и обязательно припомнят при первом удобном случае о попытке ударить слабую женщину и о метком ответном пинке по яйцам.

Не сказать, что эта известность принесла большие доходы. На работу больше не брали. Не любят старательно изображающие пуританское воспитание американцы скандалов на сексуальной почве. Кто виноват, обычно слабо разбираются и на всякий пожарный осуждают обе стороны. Женщине достается больше. У нас ведь тоже есть замечательная поговорка: «Сучка не захочет, кобель не вскочит». Ну да на Руси за явные приставания родственники и прибить способны. У них другие порядки. Если раньше требовались знакомства вроде того же Стивенса, то теперь исключительно деньги. На радио дай, даже интервьюерам из газет тоже дай. Чем толще пачка, тем лучше. Денег не было. Чарльз назвал минимальную сумму в десять тысяч долларов. Для дочки рабочего и учительницы – совершенно невообразимые деньжищи.

В обычной жизни, а не на эстраде, сатирики шутить не любят, и тянет таких профессиональных юмористов на философию и черную меланхолию. Глаз они при этом имеют наметанный, и язык прекрасно подвешен, так что и слушать интересно, и мысли неглупые. Если хочешь что-то узнать, спроси мимоходом – и получишь точную справку. Главное, не сбивай, когда он уносится в очередные дебри страданий по высокой опошленной идее демократии. Все остальные уже многократно слышали эти речи, но я, как новый человек да и, откровенно говоря, слегка интеллигентный и с деньгами, просто напрашивался на роль слушателя. Встать и уйти после столь подробной информации было неудобно. Да и все равно ждать закрытия. Почему не побеседовать...

– И чего мы, русские, в очередной раз такого ужасного сделали? – незаинтересованно спрашиваю. Что мне надо было, он уже выложил, а теперь в качестве гонорара желал поучить уму-разуму.

– Зачем, – с изрядным возмущением восклицает, – вашему Магди Салимову понадобился этот иудейский проект?

– Вам как, официальную версию, – лениво спрашиваю, – ту, что для евреев предназначена, или о чем говорят на всех базарах Азии?

– Я читал ваши статьи, – хмуро говорит еврейский сэр, – и умею догадываться о том, что прямо не сказано. Это, знаете ли, умение, вырабатываемое с опытом. Так что юмор ваш совершенно неуместен. Ничего опаснее нельзя было придумать, чтобы раздуть ненависть к себе.

Я понял, что сейчас он вполне серьезен и отшутиться не удастся, а послать крайне далеко не хочется. Не за этим пришел. Придется выслушать – как будто не знаю, о чем речь. В сто первый раз. Мало я такого слышал дома. И этому я тоже печенку проел, чему сильно порадовался бы в другой обстановке, но не на отдыхе же!

– А где, простите, вы могли меня читать, да еще и так, чтобы нюансы скрытого смысла улавливать?

– В американских газетах ваши репортажи регулярно печатали длительное время. В переводе, понятно.

– Подать в суд, что ли, за нарушение авторских прав? – задумчиво поинтересовался я.

А то я не в курсе, что мои репортажи (с жалобами на бесчеловечное поведение англосаксов и их вассалов с мирным населением и героическую оборону еврейских крестьян, старательно отбивающихся от регулярной армии старыми ружьями) перепечатал с десятков газет по всему миру. Больших. Про мелочь я даже не интересовался. Кое-кто даже честно заплатил, но это все шло через редакцию, а у нас в Республике валюту очень любит государство. Мне исключительно дирхемы на счет приходили. После вычета налогов.

– Списочек мне составьте на досуге. Ехать неохота и дорого, а то бы стоило заняться.

– И все же!

– Ну, хорошо, – покорно согласился я. – Вы можете смело требовать меня к ответу, не забывая про закон, в котором сказано... – Я напрягся чтобы воспроизвести дословно, и проци-

тировал: «Умаление русской нации, государства и республиканских институтов грозит тюремных наказанием от полугода до двух».

Я посмотрел на его покрасневшее лицо, наклонился вперед и очень тихо спросил:

– В Одессе на берег сходить будете?

– А что, – опасливо глядя на меня, спрашивает, – могут?

– Да ну вас! Я пошутил, – заявляю, наливая ему дорогого коньяка. – Это надо очень постараться, чтобы попасть под соответствующий параграф. И применяют его исключительно к политическим болтунам. За действие кое-что похуже положено. В очередной раз прихожу к выводу, что юмор американского народа – это юмор простонародья, сбежавшего в давние годы от своих более образованных собратьев. Шутки все основаны на ситуации... упал, тортом в рожу, ведро с водой сверху. Зал доволен. Не понять русского человека вам, простодушным англосаксам... э... простите, воспитанным в англосаксонском обществе.

– Ничего, я не обиделся, – пробормотал Чарльз, нервно хлопнув рюмку как воду. Натурально, решил, что я прямо сейчас побегу докладывать в Управление Политической Безопасности. Дикая жизнь в США, абсолютно не понимают, как мы существуем. Законов у нас много, но применяются они крайне редко. Абсолютно та же история и с чиновниками. Никто не хочет брать на себя ответственности. За решения надо отвечать. Хорошо, если все пойдет в правильном направлении, а вдруг что случится? Могут и с теплого места попросить. Так проще – не разрешать и не запрещать. Пусть все течет, как течет. Вот и получаются у нас вечные кампании. Сверху пришел начальственный рык – все засуетились и какое-то время старательно борются с коррупцией, феодальными пережитками, вводят очередную проверку фига знает на что, или вырубают виноградники в Крыму: раз уж вино не позволено, так и быть не должно, – теперь вот завозят для пьющих из-за границы. Годик-два проходит, и все возвращается на круги своя. Хорошо еще, что большинство серьезных программ идут по планам и с государственным контролем. При нашем всеобщем бардаке умудрились Францию с Англией по многим показателям обогнать.

– Кстати, насчет «не обиделись». Именно в этом ваша проблема.

– Не понял, – удивился он.

– Вы хотите быть таким же человеком, как и все прочие. Уверенно говорите про культуру, в которой воспитаны. Конечно, европейскую или, на худой конец, англосаксонскую. Уж простите меня, с культурой в США в этом смысле плохо. Все больше завозное. Есть, правда, несколько неплохих писателей, но пока что больше похвастаться нечем. Оно и понятно – нация молодая, еще в процессе становления. Идет ассимиляция эмигрантов и переваривание их в один общий народ. Вот в этом и таится ловушка. Вы живете в протестантской стране, где, при всем декларируемом равноправии, люди не обладают равными правами.

Негр может быть сто раз образован и богат, но его не пустят в дом, не примут в клуб, и он даже должен сидеть на разных скамейках с белым в одном автобусе. Такого явного отторжения нет с католиками или евреями, но они тоже стоят отдельно, и изменится это еще не скоро, если когда-нибудь изменится вообще. Общество отталкивает вас. Граница проходит по религиозному признаку, и пока вы этого не усвоите, никогда не сможете влиться в единый народ.

Рано или поздно еврей, воспитанный в другой культуре и сознательно принимающий ценности общества, в которое он стремится войти, приходит к настоящей необходимости выбора. Оставаться верным своей религии и тем самым быть аутсайдером в среде, к которой он так стремится, – или стать в обществе равным ценой полного и бесповоротного разрыва с еврейством.

Вот только попытавшись отказаться от своей религии, все равно – крестились или просто не верите в Бога, – вы невольно начинаете проявлять агрессивную антирелигиозность по отношению к оставленному еврейству. Я не врач-психиатр, чтобы ставить диагнозы, но есть в этом что-то подсознательное, доходящее до ожесточенности. Попытка заставить остальных,

идуших по другому пути, принять ваши идеи. А если они не желают, то тут уж недалеко до ненависти и призывов к уничтожению отторгнутого вами же мира.

Вы считаете, что евреи ничем не отличаются от остальных людей? Прекрасно! Почему тогда они не имеют права на свое государство? Почему они вечно должны подставлять другую щеку и проявлять не свойственный ни одному народу бесконечный гуманизм? Почему они должны прятаться, а не уподобляться остальным народам? Они не желают в них растворяться и не должны принимать чужих ценностей и культуры. Они не обязаны видеть действительность, в которой живут так, как желательно другим народам, и вполне способны создать действительность, в которой будет жить комфортно. Очень вероятно, что идеального государства и общества не получится, но его в принципе не бывает нигде. Так что пусть живут, строят, воюют и набивают собственные шишки, и уж не ваше дело давать указания.

– Они строят, – вкрадчиво сказал Чарльз, – они воюют. А где в этом ваше место? Вас – русских?

– Да там же, где и Великобритании, – равнодушно сказал я. – Когда по результатам Австрийской войны начался передел колоний, они вместе с Францией разинули рот слишком широко. России попытались указать на место в заднем ряду победителей. Вот за что я уважаю Диктатора – так за умение правильно маневрировать в море мировой политики. Дома у него могут быть серьезные проблемы, но уж на очередной конференции он своего не упустит. Не подложить свинью много о себе возомнившему королю было бы просто глупо. Вот и сменяли Месопотамию (с теоретически возможными нефтяными месторождениями), где стояли наши кавалерийские полки, на никому не нужную полупустую Палестину. Природных ископаемых нет, прямой заинтересованности, если не считать христианских святых мест, ни у одного государства, но мы честно согласились на совместный контроль над всеми этими церквями. Пусть за свой счет перестраивают и реставрируют. Не нам же этим заниматься! Получили ВМБ в Средиземном море и возможность в любой момент прихлопнуть перевозки по Суэцкому каналу. Что, они не понимали? Еще как сообразили. На тот момент дыра дырой и специальный запрет на ввод серьезных армейских частей. Разве что для контроля за границами. В Ираке мы бы все равно не удержались – на Руси тогда слишком много проблем было, и к прямому столкновению с так называемыми союзниками сразу после большой войны не были готовы.

Этот самый премьер-министр Великобритании лорд Мюррей решил нагадить и толкнул резолюцию о подготовке на территории Палестины политических, экономических и административных условий для образования еврейского национального государства. Большие страны всегда норовят решить за счет малых свои проблемы. Вот не справится Русь – можно пересмотреть этот параграф международного договора. А где один, там и другой. Мы уж постарались... Так серьезно, что Англии сильно кисло стало... Вот пусть теперь и кушают независимую и дружественную Руси Иудею.

Апрель 1929 г.

Я специально выехал пораньше, чтобы успеть проехать по холодку, но, как оказалось, ничего на этом не выиграл. Со стороны Синайской пустыни дул горячий ветер, и в восемь часов утра уже было страшно душно и жарко. Из-под колес с так называемой дороги летела пыль, и только скорость частично спасала, оставляя ее сзади. Здешные места не имели ничего общего с классической Сахарой. Множество вади, высохших ручьев, наполняющихся только в сезон дождей, изрезали каменистую землю. Иногда попадались колючие кустарники, услада верблюдов, и даже одинокие деревья.

Две колеи бесконечно петляли меж невысоких холмов, и я целеустремленно двигался вперед в надежде куда-нибудь доехать. По здешним местам раньше кататься не приходилось. Я вообще не был уверен, проехал я уже границу или нет. Все равно никаких предусмотренных

в Европе столбов и прочих примет при всем желании не обнаружить. На нормальной дороге стоит таможня с солдатами, но я специально и в Синай, и обратно объехал ее стороной.

Ближе к морю тянулась полоса обрабатываемых земель, но вот как раз туда я заезжать и не собирался, стремясь объехать по дуге арабские поселки. Переться напрямую в одиночку было не слишком разумно. Большие надписи «Пресса» на моем почти новом автомобиле совершенно не гарантировали от обстрелов. Арабы вообще в массе безграмотны, но в последнее время взяли за моду палить по любым проезжающим машинам, если это не армия. Те их уже пару раз всерьез поучили, устроив мешающим движению маленький погром. Здесь еще ничего выходящего за рамки не случилось, а под Иерусалимом две деревни целиком сожгли, выгнав население через Иордан, и таких умников больше не наблюдалось.

Что творилось вдоль побережья, я представлял себе смутно, но судя по интервью, взятому у очередного героического шейха из «мусульманских братьев», ничего приятного. Я ему, правда, забыл сказать, что по происхождению русский, а то бы мог и вовсе не вернуться из гостеприимных объятий. Честно сознался, что представляю турецких читателей. На самом деле печатаюсь. Аж в трех газетах, внештатным корреспондентом. Денег на таких вещах особых не сделаешь, но зато могу с искренними глазами показывать документы в подобных случаях. Еще названия у них замечательные: «Свобода», «Родина» и «Новая жизнь».

Достал меня Абу-Магомед до невозможности. Как представляю, что мы могли превратиться в нечто похожее, так прямо в дрожь бросает. Сначала два часа разговоров в стиле «я тебя очень уважаю».

- Как здоровье?
- Прекрасно, слава Аллаху.
- Как урожай?
- Очень хороший, слава Аллаху.

Какой к шайтану урожай, если я, корреспондент из Турции или даже из самого Лондона, приехал с ним лично познакомиться? Жить не могу без мудрых слов из его уст! Сроду ни я, ни семья не выращивала ничего, кроме нескольких яблонь в малюсеньком дворике городского дома у забора. Но послать его нельзя. Вежливость. Восточная, приторная, как патока. Он таким образом проявляет уважение. Отвык я от этого дела давно. Разве что по глухим деревням еще осталось. Послевоенное поколение взяло за образец деловой стиль и длинными отступлениями не заморачивается.

- Как брат?
- Сыновья?
- Здоров ли отец?
- Как доехали?

И тому подобное в течение всего разговора. И все это произносится совершенно машинально, внимательно выслушиваются ответы, совершенно его не интересующие, и задаются зеркальные вопросы. Я ведь тоже должен интересоваться его родственничками, хотя меня гораздо больше занимает это сборище на улице. Масса непонятного народу, вооруженного как старинными охотничьими ружьями, так и новенькими английскими магазинными винтовками и даже парочкой французских легких пулеметов с дисками времен Австрийской войны. Одеты – кто во что горазд, я даже успел заметить двух в остатках египетских мундиров – не иначе как дезертиры, – но большинство в стандартно грязных галабиях. Это вроде длинной мужской рубахи, обязательной для всех местных арабов. На ногах стандартные сандалии, не скрывающие грязных ступней.

Различают они друг друга по платкам на голове. Цвета и клеточки – черные, синие, красные – моментально сообщают понимающему множество подробностей о происхождении человека, его племени и роде. Вот у шейха красный. Я не могу сказать точно, из какого он клана, но что бедуин – никаких сомнений. Бедуины всегда очень отличались от оседлых арабов и

принявших мусульманство местных народов. Они были кочевники и презирали копающихся в земле. За столетия контактов почти никогда не происходило и смешивания. Однако в военном смысле бедуины имели больше возможностей, привычные к нападениям и оружию. Сейчас вечные любители налетов и грабежей уже прибыли и претендуют на руководство вторжением.

Опять звучат церемонные речи, от которых меня скоро стошнит, но я мужественно показываю класс, переплюнув шейха по всем показателям. Мой учитель арабского языка из медресе может смело гордиться собой. Где-то в самой глубине головы у меня имеется маленький чуланчик. Он постоянно закрыт, но в подобных случаях дверь автоматически открывается, и изо рта начинают изливаться такие жуткие и закрученные обороты, что никакому нормальному арабу со мной не сравниться.

Помнится, Волчов так и говорил: «Чтобы читать Святую книгу и понимать, что там написано, надо знать язык в совершенстве». Тогда мне меньше всего хотелось изучать Коран в подлиннике. Мы ж были подростки эмансипированные, обожающие просвещение и технику, а эти старые традиции высмеивали. Да ведь и все прекрасно знали, что медресе, в котором мы учимся, – исключительно название раньше было. Любой ученик, окончивший его до Окаянного, получал знания не ниже самой замечательной иностранной школы. И только с его приходом уроков богословия становилось с каждым годом все больше, а точных наук все меньше.

Кто ж мог догадаться, как это пригодится? Я исполняю поэтичную сагу о величии собеседника, вплетая в речи соответствующие цитаты. Шейх восхищен моим красноречием.

Наконец поданы очень маленькие чашки крепкого сладкого кофе, и пир начался. Ну, очень маленькие, и очень крепкий кофе, сваренный только что. Его приносят не для того, чтобы утолить жажду, – это обычай гостеприимства. По кругу пошла чаша и графин с водой, чтобы каждый мог окунуть пальцы перед едой, так как арабы еще не научились кушать ножами и вилками. Мы сидели в шатре на заботливо подстеленных коврах, и большие блюда с рисом и бараниной были поставлены прямо на пол. Пищу хозяин шатра брал жирными руками и, проявляя уважение, клал на тарелку гостя. Хорошо, что я не брезгливый. После того как в свое время, перед госпиталем, в ожидании операции сидел прямо на замерзшем насмерть раненом и с наслаждением хлебал горячий суп, у меня никаких проблем ни с питанием, ни с соблюдением правильного приготовления пищи. Заставить любого сильно верующего три дня не есть – и свининой не побрезгают. Впрочем, это русским как раз можно, если на войне, за что «истинные правовеверные» нас всерьез недолюбливают.

Продолжаем тянуть вола за хвост. Этикет...

Непременно оставить на тарелке часть еды. Старательно рыгнуть, показывая сытость. Лучше не один раз.

– У вас плохой аппетит?

– Нет, слава Аллаху.

– Может, пища плохо приготовлена?

– Баранина превосходная. Давно ничего лучше не ел.

И так далее, и тому подобное. Наконец ритуал соблюден полностью, пора переходить к делу. Осторожный вопрос с многочисленными восхвалениями хозяина – и он, надуваясь от гордости, начинает исполнять арию не хуже соловья. Многословно и подробно, с бесконечными отступлениями и рассказами о великих подвигах предков и огромной добыче впереди. Остается только поддакивать и подкидывать наводящие вопросы. Про военную тайну ему в детстве никто не объяснил, но я ведь тоже не разведчик. Эти своего источника под пыткой не выдадут, а нам обоим известно, что требуется как раз обратное. Нельзя отказывать герою в рекламе. Все будет в газетах, и желательно предварительно поделить его воинственные речи на три. А еще лучше на пять или десять эту похвальбу.

Так... А это еще кто на мою голову?

Я начал притормаживать, рассматривая препятствие. Впереди оборудовали что-то вроде шлагбаума, и объехать его нельзя. На обочине воткнули большие фанерные щиты с многозначительной надписью «Мины». Положим, столько у них быть не может, чтобы все кругом утыкать, кто бы ни были «они». Хвала Аллаху, не десятый год и окопов через всю страну нарыть не успели. Если что, надо просто сворачивать и смываться без всякой дороги.

О! А это уже гораздо приятнее! Те два типа, что зашевелились у шлагбаума, относятся к породе его родственников. Только Розенбаумы с Гольдбаумами и разными Айзенштейнами способны шляться в шортах на этих холмах. Феллахи такого не одобряют. Побить не побьют, но плевать непременно будут. Куда ж это меня занесло? Два блока еврейских должны были слева остаться. Гуш-Митбар⁴, что ли?

Медленно, чтобы не пугать, подъезжаю поближе. Парни настороженно следят, встав так, чтобы не мешать друг другу. Один поднял руку, останавливая, но в правой привычно держит кавалерийский карабин российского образца. Хорошо знакомый друг «Семашко». У меня у самого такой дома остался, только еще и с немецкой трехкратной оптикой. Второй чуть сзади, с американским автоматом Томсона. Тем, что с большим диском на семьдесят патронов. Тяжелый и при стрельбе вверх и вправо задирает, но в ближнем бою неплохая вещь. Стоит не меньше сотни долларов. Кучеряво живут здешние евреи.

– Корреспондент газеты «Красная Звезда» Берислав Темиров, – бодро представляюсь. – Еду с Синая, с последними новостями. Не очень для вас приятными. Совершенно не собирался посещать вас, но заблукнул. Ни указателей, ни приличных дорог.

– Гельман, – говорит тот, что с карабином. – Если уж новости, то извольте проехать в гости. Всем интересно будет послушать. Вы ведь не торопитесь?

«Ага, – думаю, – а если откажусь, тут и начнут дырявить из американской машинки. У этих бдительность на высоте. Может, и правильно».

– Садись, – говорю. – Покажешь дорогу. Тебя как зовут?

– Юрек, – лаконично сознался он, перелезая через бортик и недовольно морщась. Конечно, я его прекрасно понимаю. В закрытой машине по иудейской жаре не поездишь, а в такой, как у меня, без крыши, с одним брезентом, все внутри в пыли. Зато авто – зверь. Специально для бездорожья приспособлено. Кто бы мог подумать лет двадцать назад, что в России такие лялечки выпускать будут? Я бы лично посмеялся. А все от нашей непроходимой лени. Дороги где подальше от больших городов – не лучше здешних, и люди с приличными заработками предпочитают покупать бездорожники. Начиналось с обычной сборочной мастерской, а сегодня марка «Русман» известна всему миру и выпускает еще и грузовики на трех больших заводах. Грузовики у них получаются хуже американских и немецких, и двигатель лицензионный, зато дешевле. А вот бездорожники уходят со свистом, даже несмотря на совсем немаленькую цену.

Наивные заграничные люди думают, что «Русман» означает «русский человек» и является торговой маркой. На самом деле Русов назвал автомобиль в честь самого себя. Его папа в мечеть не ходил и звался как раз Русманом. Оставив наследнику несколько миллионов и купеческий дом, он и предположить не мог, что тот ударится в инженерное дело. Сын всегда имел прекрасный нюх на перспективные изобретения и замечательную хватку. На улицах еще стреляли, выясняя, кто власть удержит, а он нанимал лучших инженеров, сидевших без работы, и в четырнадцатом году продемонстрировал в американских автосалонах первый в мире автомобиль с передним приводом, делающим его более устойчивым и маневренным. Уже в пятнадцатом он продал почти три тысячи машин, а в этом году заводы выпустили почти сто тысяч бездорожников, экспортируя их во многие страны.

⁴ Гуш-Митбар – пустынный блок (*ивр.*).

Далеко ехать не пришлось. Метров через триста стали видны дома и работающие люди. Весь поселок был обнесен в два ряда колючей проволокой, а теперь перед зданиями копали убежища. В огромные ямы, метра в три глубиной, ставили деревянные каркасы для стен и потолка. Уже готовы были железные листы для покрытия крыши. Таскали мешки с песком и камнями, чтобы засыпать их сверху.

Меня отвели в еще одно подземное помещение, меньшего размера. Я с любопытством осмотрелся по сторонам. Тут стояла аппаратура для радиосвязи и примитивный телефонный коммутатор. Еще имелось несколько стульев и узкая раскладная койка у стены. Натуральный командный пункт, причем построен хорошо разбирающимся в этих делах. Тяжелой артиллерии в окрестностях нет, а все остальное перекрытия должны выдержать. На стене две карты. Сам поселок с любовно нарисованными зданиями и карандашными пометками позднейшего времени, обозначающими позиции. Кто-то здесь получал знания в российской армии. Очень знакомые значки.

Вторая изображала окрестности. Явно самодельная, но тоже опытной рукой сработана. Мораг, Гадид⁵ и Слав, где я находился. Не от «славян»: это значит – мирный. Буйная фантазия у здешних жителей. Мирно собирают урожай. Последние полгода кругом сплошное дружелюбие и любезные объятия. Три поселка, расположенные неравнобедренным треугольником, в совершенно не удобном для обороны виде.

Поселки ставили совсем с другой целью и там, где это было нужно для сельского хозяйства. Почва истощена и давно не обрабатывалась, поэтому и продал хозяин этот кусок так легко. Чтобы там ни кричали англичане с арабами, случаев конфискации земли было совсем немного. Теперь даже при беглом взгляде становилось ясно, что прикрывать они друг друга не смогут. Это не блок, как положено, а три отдельных точки, крайне неудобных для обороны.

– И как смотрится? – спросил серьезный голос.

– Плохо, – отвечаю, оборачиваясь. – Не карта, обстановка.

Видимо, это и есть начальство. Двое мужчин не старше тридцати и совсем молодая коротко стриженная девчонка. Все в стандартных шортах и рубашках цвета хаки.

– А на место, где поставили поселки, не надо так смотреть. Сами все прекрасно понимаем про сложность обороны. Никто не рассчитывал, что придется бодаться с регулярными частями, а против местных банд всегда хватало. Старший сержант Варшавского 134-го пехотного полка Шимон Залман, – с легкой усмешкой в глазах отрекомендовался самый высокий. – Я здесь самый главный. Это, – он показал на второго мужчину с вечной еврейской скорбью в выпуклых глазах, – Моше, наш технический специалист на любой случай в жизни. А Яэль – связист. Юрек сказал, вы хотели видеть начальство. Вот оно – в полном составе. Моментально доведем до всех.

– Связист – это радио? – обрадовался я. – Можно будет передать в редакцию?

– Общевойсковая радиостанция «Ула», и еще любительский передатчик. Так что имеем устойчивую связь с центром страны. Вот с редакцией – извините, это совсем не наше ведомство. Сумеете уговорить кого на том конце – никаких возражений с нашей стороны. А теперь к делу...

– А стоит неприятные новости вот так, для всех? – в легкой растерянности от этой неприкрытой нужденности спрашиваю.

– Только так и можно, – внушительно заявляет Шимон. – У нас тут не армия, одни добровольцы. Молодежь.

– Я еду с той стороны границы. Э... выяснял обстановку. Километрах в двадцати от таможенного поста уже собралось больше пяти сотен любителей пограбить. У них есть и командир, некий Абу-Магомед... – Шимон кивнул понимающе. – Совсем на дурака не похож. Хвастун,

⁵ Мораг – цеп, гадид – урожай (*иврит*).

но дело свое знает. У него есть почти полторы сотни личной гвардии, способной поддерживать порядок среди остальной толпы. Вооружены английскими магазинными винтовками, и по крайней мере четыре пулемета. Это то, что я видел, не выдумки. Завтра он собирается войти в Иудею и поднимать арабов на восстание. Хуже всего, что он все это делает не по личной инициативе. Египтянам нужна причина для вмешательства. Они собирают экспедиционную армию при полном британском поощрении. Со складов передается оружие и боеприпасы всем этим бандам. Мы выходим – они входят. Не просто отряды борцов за свободу, но армейские части. Вооруженные силы там опереточные по европейским понятиям, едва-едва пару пехотных дивизий наскребут боеспособных, однако на вас прекрасно хватит. Есть артиллерия, снабжение от англичан, и возможно, будет поддержка авиации.

– Иракцы тоже готовятся, – согласился Шимон.

– Мы знали, на что шли и зачем ехали, – с бесконечной тоской в голосе пробормотал Моше. – Только никто не представлял, во что выльется уход русских. Не понимаю, что происходит.

Шимон покосился на него неприятным взглядом. Зря, между прочим. Я вот тоже не очень понимаю, а информации получаю куда больше зачуханного земледельца на краю света. У меня друзья и в армии, и в администрации имеются. Половина тоже ничего не понимает, остальные показывают пальцем в потолок и просят не приставать с недоуменными вопросами. Такое чувство, что все проделано нарочно и в страшной спешке. Вся колониальная администрация в считанные дни после заявления Салимова о передаче власти представителям местных общин срочно собралась и спихнула с себя все проблемы, на скорую руку отдавая имущество и вручая бразды правления. Некоторым насильно – они сопротивлялись и требовали дать время на ознакомление с обстановкой и ревизию. Обязательно в такой ситуации много что к рукам прилипнет.

Где арабы компактно проживают, никто к такому обороту готов не был и в Иудее жить не желает. Мгновенно начались столкновения и нападения на соседей. Не сказать, что только с одной стороны. Евреи тоже постарались. Сейчас есть уже четыре района, куда они соваться не пытаются, а теперь и Газа всерьез полыхнет. Салимов делает вид, что все идет по плану и согласно договоренностям. Еще три месяца назад никаких озвученных планов в принципе не существовало.

И без британцев не обошлось... Так старательно пихают в спину окружающие страны, что неминуемо будет вторжение, как только наши эвакуируются. Даже из Сирии лезут арабские добровольцы, а еврейское руководство в полной прострации. Обороняются и жалуются. На большее их не хватает.

– Я поеду, предупрежу остальных, – сказал Шимон, – Моше продолжит заниматься траншеями. Предупреди всех, чтобы не спали, только без подробностей. А ты, – девушке, – попробуй еще раз связаться с нашими. Расскажешь, что происходит.

Они послушно отправились по делам.

– Поедете дальше? – это уже ко мне.

– Если можно, я пройду, посмотрю.

– Конечно, – согласился он. – А вдруг что подскажете. Вы ведь служили?

– Ну да. И Австрийскую успел, и потом. Только я давно не офицер – одно название. Газета в военном министерстве, и звание сохранили. Вроде не в отставке, и погоны имеются, но одна видимость.

– Читали, – с непонятной интонацией подтвердил Шимон. Он помолчал и добавил: – Вы поглядывайте по сторонам. У нас тут регулярно ночью с холмов стреляют по домам. Пока везло – ни в кого не попали, но все бывает.

* * *

Я все-таки сумел уболтать связиста в Иерусалиме. Не вполне бескорыстно, но он обещал сбегать и отнести в представительство редакции все продиктованное. Почти час говорил, диктуя, и пообещал массу подарков за помощь по возвращении и дальнейший постоянный контакт с интересными новостями. Теперь бродил по поселку, как любознательный щенок, суя нос во все дырки и внимательно изучая обстановку. Видимо, людей предупредили. Никто не удивлялся и не начинал выяснять, кто я такой и откуда взялся. С общением – вообще никаких проблем. Из миллиона с лишним человек, приехавших за последние двадцать лет, восемь из десяти были из России. Между собой они могли сколько угодно объясняться на ломаном иврите, но мне вежливо отвечали по-русски. Немецкие евреи все больше в городах оставались и не проявляли желания пахать землю.

На вопросы отвечали доброжелательно, но в принципе им было не до меня. Все были заняты и что-то копали, носили и готовили. За забором закапывали самые натуральные противопехотные мины. Несколько десятков лежало уже приготовленных и, что любопытно, собственного производства. Обозначения на иврите, а вид вполне стандартный. В первый раз слышу, что в Иудее есть такой завод, – а я много чего знаю.

Поселок всерьез готовился к боям. В подземных убежищах был приготовлен большой запас еды – мясные консервы, консервы, джемы с собственной фабрики, масло, сметана, кислое молоко. По всему поселку вырыты ямы, чтобы укрыть все, что только возможно. Запасали воду в специальных бочках и тоже закапывали их в разнообразных местах. Собственного источника не было, а водонапорная башня, попав под обстрел, обязательно пострадает: слишком уж заметная мишень.

Кроме уже замеченных мной ранее убежищ и колючей проволоки, на окружающих высотах были выкопаны зигзагообразные траншеи, обшитые досками. В здешней песчаной почве по-другому нельзя, но работа не на один день. Давно готовятся к неприятностям. Еще имелось два дота. На поверхность выходила только бетонная крыша и часть стены с огневыми щелями, через которые стрелки могли вести наблюдение или огонь по всем направлениям. Здесь стояло несколько коек, хранился запас пищи. В каждом было по два М-9. Ни один из российских оружейников так и не пожелал взять на себя ответственность за это детище военного времени. Так до сих пор и числится под таинственным наименованием «модель девятого года».

Ничего удивительного. Конструкция пулемета была разработана на основе различных западных моделей оружия. Проще сказать, государственный Тульский оружейный завод ее немножко украл. Затвор запирался как на чешских пулеметах, подача патронов – как у бельгийского, механизм смены ствола – как у англичан, ручку для переноски и приклад взяли у австрийцев, регулятор газа, имеющий три положения, сперли у американцев. Полученный гибрид оказался неожиданно надежным и качественным оружием. До сих пор состоит, после минимальной модернизации, на вооружении русской армии.

В военное время основными требованиями были простота и технологичность конструкции. Некогда было ждать заграничных поставок или завоза закупленного оборудования. Требовалось выпускать на стандартных металлообрабатывающих станках общего назначения. В основном, конечно, токарных. Вот из этого и исходили. Он теперь прекрасно шел как единый пулемет. Ставили на станок, бронемашину, танки и первое время даже на самолеты. Сейчас там уже более крупные калибры, но было время, когда М-9 торчал везде, и представить себе сегодня русскую армию без него практически невозможно.

С оружием у поселенцев вообще было прекрасно. Его имели все, включая и женщин, и дисциплинированно носили с собой. «Семашки» трех модификаций, «Томсоны», М-9, пистолеты, гранаты, мины. Мои представления о готовности поселка к обороне серьезно сдвинулись

в положительную сторону. Правильного боя им не выдержать, но от обычных банд, даже и большого размера, они имеют хорошие шансы отбиться. Вообще-то это было изрядно странно. Винтовки администрация вполне официально позволяла евреям иметь для самообороны, и старые армейские запасы свободно продавали, но вот на автоматы с пулеметами, насколько мне известно, разрешения не выдавали. Если нечто подобное имеет быть и в других местах, страшно себе представить количество свободно проходящего через таможенную границу оружия. Вряд ли раньше мне такое показали бы, но теперь им уже нечего стесняться.

Вечером они устроили общее собрание, на котором страшно переругались. Самые разумные, и в их числе Шимон, хотели отправить отсюда женщин и детей, но большинство до сих пор верило в помощь со стороны новообразованного правительства и вполне логично боялось отпускать своих жен в непредсказуемый поход. Как минимум, их должны были сопровождать мужчины, что ослабило бы оборону. Так ни до чего не договорившись, недовольные друг другом, разошлись. Я не вмешивался в обсуждение. Все, что мог, я уже сделал, предупредив, а дальше не мое дело.

Подождав, пока все закончится и люди начнут расплзаться по своим делам, нацелился на Шимона. Меня очень прилично накормили, но еще неплохо бы мягкую постельку выделить. Попутно могу поделиться своими познаниями по поводу обстановки. Тут меня тронули за руку, и, обернувшись, я обнаружил Яэль.

– Вас просят подойти, – сообщила она.

– Так вон же Залман, – не понял я.

– Нет. По радиостанции.

– Уже ответили из редакции?

Она пожала плечами и не ответила, просто повернулась и пошла в свою каморку с радиостанцией. Хочешь – иди, не хочешь – вали. Я пошел за ней. Уж очень любопытно, кому понадобился.

– Темиров у аппарата, – доложил я и покосился на связистку.

– Я – Багатур Меч Ислама, – отрекомендовался ясный и хорошо знакомый голос.

Я опять невольно посмотрел на Яэль. Она пялилась на меня во все глаза. Не каждый день легендарные Каганы навещают тебя, даже по радио. Такими вещами не шутят – русские очень не любят, когда кто-то трогает их святых. Ну не объяснять же, что это у нас такая игра была в детстве. В медресе еще и не то придумают. Вот только что здесь делает полковник внешней разведки Радогор Науялис?

– А я – польский король Станислав, – с ухмылкой сообщаю.

– Откуда у меня шрам на ноге? – спрашивает после секундной паузы.

– С забора упал, – послушно сказал я. – Э... лет в десять было.

Он любит рассказывать девушкам про тяжелые бои на фронте и ранение в рукопашной. Кроме пары человек, о настоящей причине ранения вообще никто не знает. Если уж в открытую, по радио интересуется – значит, хочет убедиться, что это именно я. А вот свое имя называть не хочет. Все страньше и страньше.

– Тебя хотят видеть в редакции лично, а не читать переданные по радио репортажи.

– Раньше это никого не смущало.

– А теперь – да. Мне было бы очень неприятно, если повторится старая история с Черным аулом. Все должно быть вовремя, а не через пару недель. Никому не интересны старые новости.

Первым побуждением было послать его именно туда, куда мой друг детства заслуживает. Я уже открыл рот... и передумал. На самом деле он изрядно рискует, вот так сообщая секретные сведения. Не из каких-то шкурных или материальных побуждений, исключительно по дружески. Еще бы мне не помнить Черного аула. Из третьей роты нашей Ярославской добровольческой бригады не осталось в живых никого. Очень удачная военная операция. Пока они сидели в осаде и отбивались, оттягивая на себя всех окрестных горцев, другие подразделения

зашли в тыл и, отрезав все пути отступления, перебили мятежников. Почти пять тысяч наиболее фанатичных и жестоких бойцов из Армии Свободы. Только мертвым это уже не поможет. В штабах проводят стрелки и высчитывают минимально необходимый процент потерь. Бои местного значения, никак не влияющие на речи политиков. Я в сводку не попал только потому, что немного раньше поймал пулю в предплечье.

Я сидел с застывшим лицом – еще не хватает, чтобы Яэль что-то поняла и это пошло дальше. Полковник русской внешней разведки только что сказал, что помощи не будет. Чем дольше они продержатся, тем лучше, но всех заранее списали. Все три блока поселений с двумя с лишним тысячами человек. Пока здесь будет стрельба, где-то совсем в другом месте собирают ударный кулак. Синие стрелочки уже нарисованы на картах, и врагу мало не покажется. Как и здешним поселенцем, когда-то специально посаженным у границы, чтобы мешать просачиваться в Иудею нелегалам, бандитам и контрабандистам. Они старательно совмещали помощь пограничникам с работой на земле и получили в благодарность большой сюрприз. И никому сказать нельзя.

Уезжай, говорит он мне, пока еще можно. Дурацкие сомнения, откуда он может знать, меня даже не посещали. Внешняя разведка всегда очень тесно сотрудничала с еврейской Службой безопасности. Да на самом деле русские ее и создавали, щедро делясь опытом и консультируя. Если уж Радогор самолично прибыл, скоро начнется что-то очень неприятное для окружающих стран. Даже нашей дружбе есть определенные пределы, и он никогда не рассказывает подробностей своих действий, но стабильно – где появляется его рожа, все горит и взрывается. И, что совсем не удивительно, мы с ним регулярно пересекаемся. Только я пишу о происходящем, а он все больше занимается обучением диверсантов.

– Я остаюсь, – говорю и щелкаю тумблером, выключая рацию.

Утро началось со стрельбы. Сначала она доносилась издалека, потом и в наших окрестностях появилась изрядная толпа, беспорядочно палящая по постройкам и выскакивающим на улицы людям. Я прыгнул в окоп на наблюдательном пункте и стал внимательно изучать окрестности в бинокль. Место было замечательное – всю округу видно, я его еще вчера присмотрел, но Шимон тоже успел своевременно организовать здесь пост и даже полевой телефон протянул. Если когда-нибудь увижу офицеров Варшавского полка, обязательно расскажу, что учеба впрок пошла. В сторону Морага по дороге тянулось огромное количество народу. Шли вразброд, ехали телеги, промелькнула пара машин, набитых вооруженными людьми. На глаз – несколько сотен.

По обстреливаемым поселок ударил пулемет из южного дота. Еще через несколько минут у меня за спиной заработали два 81-мм миномета. Толпу удачно накрыло, и оттуда донеслись крики раненых. Арабы поспешно убегали с открытого места. Рядом в телефон азартно командовал совсем молодой юноша, лет шестнадцати, но корректировал он вполне профессионально. Мины опять падали кучно, и дорога тоже начала быстро очищаться.

Ну ни хрена себе, подумал я. А когда евреи вытащат парочку тяжелых орудий? Такими темпами у них скоро из подвала и пара танков появится.

Перестрелка еще продолжалась, но уже вяло. Большинство повстанцев целеустремленно шло мимо нас, только немногие постреливали в сторону Слава. Ничем в данный момент отсюда помочь было нельзя, хотя непрекращающаяся стрельба была прекрасно слышна. С другой стороны... Я еще раз внимательно осмотрел местность. Попробовать стоит. Хуже не будет... И, пригибаясь, побежал в сторону штаба.

Обстановка в поселке мне сразу не понравилась. Начиналось все совсем неплохо, а теперь люди с постов куда-то подевались, а у зданий собралось десятка три человек, непонятно чем занятых. Распихивая молчащее собрание, я протолкался вперед и увидел мертвого Залмана. Удача у каждого своя, и рано или поздно она кончается. Пуля попала в грудь. Аккуратная такая дырочка. Человеку много не надо. Маленький кусочек свинца иногда гораздо хуже, чем сва-

лившийся прямо на голову кирпич. Я оглянулся на растерянные лица и понял, что надо приводить их в чувство. Шок. Не просто первый убитый, но единственный авторитетный командир. За сутки я уже успел наслушаться, какой Шимон замечательный и сколько делает для общего блага. Здесь не было, кроме него, ни одного прошедшего армию или побывавшего на серьезной войне. Сплошная молодежь, горящая энтузиазмом, но не знающая, что делать.

– Почему стоим? – автоматически переходя на командный рык, спрашиваю. Получилось совершенно произвольно, как будто не минули годы с тех пор, как я в последний раз гонял подчиненных. – Кто командиры отделений? Почему не на своем месте? Что тут вообще за бардак? Ты, – тыкая в первого попавшегося, – имя?

– Лейба, – растерянно моргая, отвечает тот. Здоровый бугай, а ведет себя как потерянный.

– Тебе, скотина, пулемет зачем выдали? Чтобы тут прохлаждался? Марш в окоп!

– Я из резервного отделения, – отрицательно помотал тот головой, – мы должны идти на помощь в случае прорыва, а теперь не понять, кому подчиняемся.

– Где Моше? – продолжаю я давить.

– Ну, какой из него командир, – с изрядным сомнением сказал голос у меня за спиной.

– Тогда поднимайте руки и сдавайтесь! Все равно толку от вас никакого.

– А вот ты и командуй, офицер, – потребовал еще один возбужденный голос. – Или ты с нами, или не лезь. Нашелся тоже умник.

– Я скомандую, – уже спокойно соглашаюсь, – но если кто посмеет ослушаться, просто расстреляю на глазах у всех. На войне демократии не бывает, и голосования тоже. Возражения есть? Все «за», – на общее молчание назначил я сам себе в главнокомандующие. – Врач!

– Я, – ответил единственный взрослый мужик из всей компании.

– Залмана унесите с улицы. Потом возьми пару женщин и проверь раненых. Резервное отделение – остаться, остальные – по местам. Смотреть на врага, а не за спину! По местам пошли!

Я все-таки разогнал их по траншеям и навел минимальный порядок. Теперь двенадцать человек, если считать со мной, при двух М-9, перебежками по вади, чтобы не заметили наблюдатели, двигались к Морагу. Там по-прежнему часто стреляли, но никакого общего плана у нападавших не было. Я хорошо успел рассмотреть, что атакowali арабы без прикрытия сзади, не принимая в расчет других поселков. Видимо, они считали, что остальные так и будут покорно дожидаться, пока до них очередь дойдет. Торчащие в округе отдельные группки повстанцев особой бдительности не проявляли и вели себя как на пикнике, паля скорее не по целям, а в сторону.

Я бежал впереди, задавая темп, и пытался разобраться, что на меня нашло. Я, в конце концов, не военный инструктор на жалованье, и брать на себя ответственность совершенно не хотелось. Просто все это очень напоминало Кавказ. Слишком уж я насмотрелся в свое время на убитых гражданских. На войне бывает всякое. Совершенно непричастные люди тоже могут угодить под обстрел, но никогда ни мы, ни австрияки не творили такого, как горцы. Вырезанные до последнего человека русские села в долинах. Если не могли угнать скот, его тоже резали, чтобы ничего не осталось. Даже кошек и собак убивали. Говорят, курды с армянами такого не делали. Они хоть иногда детей забирали. Эти могли младенца головой о стену, или беременной женщине разрезать живот.

Им потом это аукнулось полной мерой, когда озверевшие добровольцы ровняли аулы любителей свободной жизни и независимости вровень с камнями. Все можно простить – невинной крови не прощают. За нее платят десятикратно, и на гражданской войне чистеньких не остается. Мы можем утешаться, что никогда не делали это первыми, но список обид и тысячи убитых тянутся шлейфом за всеми, кто там был. И за мной тоже. И повторения мне не надо. Старый, отработанный метод. Если не хочешь удвоения старых проблем, сделай так,

чтобы этого больше не случилось. Очень немного осталось в тех местах коренных жителей. Кого не убили, выселили подальше. Россия страна большая, а в Польше места много. Там после войны местных внушительно поубавилось, а что гор нет, так ничего не поделаешь. Среди моих предков имеются степняки, а я предпочитаю отдыхать в роще, а не пасти баранов.

Так что выбора-то особого у меня и нет. Можно спокойно смотреть, как вокруг тебя умирают, а можно и вмешаться. Идиот – да. Сам знаю и не сомневаюсь.

– Ну что, Лейба, – спрашиваю, устраиваясь поудобнее, под прикрытием камней, – сможешь?

– Да это ж как на стрельбище, – неприятно скалясь и упирая сошки пулемета в землю, ответил он. – Сейчас мы их сделаем.

Внизу несколько сотен арабов беспорядочно атаковали поселок раза в два меньше моего. Евреи бешено отстреливались, но бой уже шел на окраине. Заграждения из колючей проволоки были прорваны, и с огромным зеленым знаменем в руках, не обращая внимания на пули, впереди атакующей густой цепи шел хорошо мне знакомый бедуинский шейх. С расстояния в полторы сотни метров в бинокль было прекрасно видно лицо. Чего у него не отнимешь, так это храбрости. Еще опыта добавить – замечательный вождь получился бы.

– Огонь! – скомандовал я.

Свинцовый дождь из двух пулеметов накрыл мятежников. В первые минуты они не поняли, что происходит, и продолжали рваться вперед, но когда упал командир, атакующие превратились в неуправляемую толпу. Она шарахнулась назад, расстреливаемая с двух сторон – нами и из поселка, – потом люди беспорядочно побежали, спасаясь. Пулеметы захлебывались, пока не кончилась лента. Беспрерывно хлопали винтовочные выстрелы. Когда стало ясно, что организованной атаки больше не предвидится и началось сплошное бегство противника, мы поднялись и одним броском преодолели поле, заваленное убитыми и ранеными, проскочив в Мораг.

Я бежал прямо к упавшему знамени, и за мной, не отставая, пыхтел Лейба. Офицера из него никогда не выйдет – инициативности мало, зато исполнительный до самого доньшка. И одиннадцатикилограммовый М-9 тащит почти без напряжения. Здоровенный, как бык. Чего еще надо в моей ситуации? Послушные подчиненные, верящие каждому слову и готовые моментально исполнять приказы. Еще бы знать, как из всей этой истории выкрутиться. Это не конец, совсем не конец...

Абу-Магомед был мертв, как камень. Три пули попали ему в спину. Я быстренько снял с него оружие и обшарил карманы. На войне, как на войне. Имею теперь немецкий «Маузер» на пятнадцать патронов, с деревянной кобурой, пристегиваемой к рукоятке вместо приклада. Две запасные обоймы и трофейное знамя. Можно будет повесить дома на стену. Флаги мне раньше захватывать не приходилось. Еще карта имеется, но без толку. Одна радость, что напечатанная типографским способом и на английском языке, – никаких пометок.

Лейба грузится подобранными винтовками на манер верблюда, и остальные тоже времени зря не теряют, собирая оружие и боеприпасы. Стандартные английские винтовочные патроны прекрасно подходят к российскому «Семашко». Еще с тех далеких пор, как Каган в начале XIX века начал перевооружать армию. За образец брали как раз английский калибр – тогда мы очень сильно дружили с Империей, где не заходит Солнце, и массово закупали там станки и оборудование и потом внимательно смотрели за изменениями, а заодно и использовали уже наработанный опыт.

До сих пор икается от дюймов, которых у нас отроду не было. Были ведь еще и не английские дюймы, и с этим вечная путаница. Старая русская система мер была законом привязана к английской: 1 дюйм (равный английскому) = 10 линий = 100 точек = 4/7 вершка = 1/12 фута (равного английским) = 1/28 аршина = 1/84 сажени = 1/42 000 версты. Однако в быту все равно использовались не футы и дюймы, а соразмерные им аршины (= 7/3 фута) и вершки (=

7/4 дюйма). Зато собственное огнестрельное оружие изначально создавалось под патрон, а не наоборот.

Это потом уже начались проблемы в Азии, и мы с британцами принялись старательно друг друга подсиживать. А калибры никуда не делись. И в стрелковом оружии, и в артиллерии. Прекрасно можно использовать трофейные, хотя даже Аллах не запрещает стрелять из английского «Бринсона», а уж Иегове абсолютно без разницы.

* * *

– Надо эвакуировать Мораг, – повторил я. – Я все понимаю, в том числе и ваше желание сохранить свою землю, но уже видно: второй раз не удержаться. Восемь убитых, шесть тяжело-раненых. Еще два десятка легкораненых. Даже если они все возьмут оружие – тридцать четыре стрелка. А есть еще пятеро детей, и им тут абсолютно нечего делать. В следующий раз может так удачно не получиться. Да опоздай мы на четверть часа – было бы уже поздно, неужели не видно? Если египтяне двинутся по главному шоссе к Тель-Авиву, они не могут позволить себе оставить еврейские поселки в своем тылу. Они придут и начнут со слабейшего.

– Он прав, – негромко сказал в тишине здешний раввин. Еще один сюрприз. Поселок Мораг, в отличие от большинства подобных, был религиозным, и местные жители щеголяли пейсами и кипами. А раввин ничем не отличался от остальных, кроме возраста. Уже пожилой низкорослый дед, тем не менее, профессионально обращающейся с винтовкой.

– Это очень обидно – оставлять труд за три года, но если вместе мы сможем дать отпор, непременно вернемся. Если нет – нас уничтожат поодиночке.

– Не для того мы ехали сюда, чтобы нам русские указания давали, – внятно сказал один из молодых парней. – Они все равно уходят.

– Вот именно, – веско подтвердил раввин, – они уходят, и нет для него корысти призывать нас делать что-то. И если он хочет помочь, надо поблагодарить и прислушаться. Те, кто делает добро, найдут у Господа награду, а не на Земле. Нам все равно нечего предложить, кроме общей участи. Мы обязаны выжить и вернуться. Все, – заявил он, как отрезал. – Собирайтесь.

Люди стали молча подниматься. Похоже, авторитет его был непререкаемым.

– Страна не может родиться из указа Салимова, будь благословенно его имя, – сказал он мне, когда мы остались одни, – чтобы почувствовать ее своей, надо пролить кровь. Только тогда и будет она цениться.

– Странно подобное слышать, – сознался я. – А как же историческое право? Прародина и все такое...

– Наша Родина – Русь, – без малейшего сомнения сказал он. – Тысячу лет мы там живем, и могилы предков остались там. Куда-то мы пришли сами, кое-где жили еще до появления русских, но это такая же наша страна, как и ваша. Родина – это место, где ты родился. Даже сейчас, когда три с лишним миллиона уехали из-за религиозной нетерпимости последнего Кагана и национализма Диктатуры, на Руси из 180 миллионов каждый пятнадцатый еврей. Мы всегда были лояльны к власти, и нет случая, когда бы шли против интересов государства. И все равно нас попрекали и будут попрекать куском хлеба... Ты знаешь про Голодную степь?

– Я ее видел.

– Значит, можешь понять. Там, где не было ничего, кроме бесплодной равнины, теперь огромные орошаемые поля. Выделяя земли под заселение, нам всегда давали худшие. Вот только это тоже метод доказать, что у нас есть не только мозги, но и руки. И здесь, на песчаных и каменистых землях, мы тоже создадим сады и поля. К сожалению, а может, и к счастью, пришло Новое время. Время национальных государств, в которых нет места меньшинствам. Это не хорошо и не плохо. Это так есть. И если мы не хотим раствориться в других народах – а мы, верующие, не хотим, – надо вернуться к своим корням и превратиться из разных народов, свя-

занных общей религией, в один. Для этого нет лучшего места, чем связанная историческими корнями с самыми глубинами нашей души и веры Иудея. Никогда не прерывалась ее связь с живущими в самых разных концах планеты. Всегда существовала здесь община, и в молитвах мы произносили: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя рука».

Не суть важно, какими мотивами руководствуются люди, помогая и направляя. Религиозные они, светские, политики или вообще иноверцы. Главное – результат. Ты думаешь, великая тайна, что, закрывая въезд в США евреям, американцы договорились с русскими? Или что Салимов мечтает избавиться от наиболее радикальных и бедных еврейских элементов, заставляя богатых давать деньги на выезд, поддерживая любые организации, ведущие агитацию к переезду в Иудею, и давя всякое сопротивление сионизму в стране, вплоть до арестов? Так что если понятие «мусульманский сионист» означает мусульманина, поддерживающего право еврейского народа на собственное независимое и суверенное государство, какую бы выгоду он при этом ни искал, таких людей я приветствую.

Салимов хочет получить для себя союзников на Ближнем Востоке в противостоянии с Англией и арабами, а нас это вполне устраивает. Весьма взаимовыгодная сделка. Мы создаем свое государство, куда сможет приехать каждый еврей, и нет другого места на Земле, куда смогут вернуться в поисках помощи и защиты и где можно установить свои законы. Нигде нас не ждут, и все уже занято. Если требуется для обоснования наших прав привлечь Тору, значит, это будет сделано. Если силу, то и за этим дело не станет. Нации рождаются от экономических и политических причин, а мы ее создаем сами. Только в огне смогут слиться разные направления и идеи. Слишком уж не похожи евреи между собой. Даже те, кто не ассимилировался полностью, стали напоминать народы, среди которых они жили. А уж русские – не иначе как вообще отдельный народ, связанный с остальными только религией и абсолютно не похожий на европейцев или сефардов. Так недолго и до раскола. Пришло время доказать, что мы существуем и не являемся зимми. Меньшинством, живущим под защитой чужих армий и законов.

– Ты еретик, раввин, – удивленно сказал я. – Вот так... Вместо лекции, сколько раз упоминается в Святой книге историческая Родина, говорить про оружие...

– Я вернулся к религии уже в чине майора, – невозмутимо сообщил он, – после Кавказского фронта и гражданской войны. Ты ведь тоже знаешь, каково это. И худо-бедно дослужился потом в Сибирском войске до дивизионного раввина, совмещая это с учебой в ешиве Старкиса.

Я посмотрел на собеседника совсем другими глазами. Про Бухарскую резню 1914 года только глухой не слышал. Последнее вассальное ханство после этого превратилось в очень спокойную часть республики с немногочисленным, обожающим Салимова населением. Кто из людей зажиточных убежать за границу не успел, очень резво помчался во Владимир – доказывать покорность. А простые дехкане прекрасно сообразили, насколько наша ветвь ислама смотрится лучше. Двести лет не понимали – и вдруг сразу осознали. Другого варианта для них просто не осталось. «Военная» необходимость настоятельно требовала конфисковать участки у нелояльных общин.

Именуемый в газетах «духовным лидером Вольного Сибирского войска» Старкис, никогда не занимая официальной должности, совершенно спокойно давал указания чиновникам и офицерам не только в Фергане и Казахстане, но и здешним лидерам. Совершенно отморозенный тип, которого трогать боялся даже Салимов, чтобы не вызвать мятежа в Сибирских военных частях. Благо, он еще постоянно подчеркивал в своих речах уважение к русским, а то был момент, когда мог и оторвать Сибирь в личный удел.

Не удивлюсь, если именно в тот период и появилась идея сплавить наиболее буйных куда подальше. Среди сибиряков двое из троих были евреи и поляки, слегка разбавленные армянами еще с давних времен, отправляемые каганами заселять пустынные земли. Даже от двойного налога освобождали первопроходцев.

В девятьсот пятом, перед самой войной, издали атлас народов, населяющих Русь. Очень любопытно было смотреть. Длинные полосы иноверцев вдоль южных границ. Кто туда ехал добровольно – приравнивали в правах к саклавитам, а если еще и поселки входили в Вольные Войска, вообще освобождали от всякого налогового бремени. Гордые католики-поляки, торговцы-иудеи и сбежавшие на Русь от турок забитые православные в окружении враждебных народов очень быстро превращались в серьезную военную силу, подконтрольную центральной власти. Или погибали. Такое тоже случалось.

В самом начале иудейского проекта был страшный скандал. Третий кавалерийский полк из Маньчжурского Вольного Войска, где в молодости отслужил свое Старкис, почти в полном составе отказался возвращаться домой. Как подходил конец службы, они просили у колониальной администрации паспорт жителя Иудеи и перевозили сюда семьи. Чиновники на первых порах даже были довольны: есть на кого опереться при необходимости. Потом бывшие маньчжурцы объявили территорию Голанских высот исключительно своей и стали непринужденно ходить угонять скот из Сирии, вплоть до самого Дамаска. Обустраиваться им надо на новом месте? А люди они небогатые, поиздержавшиеся за переезд – вот и потребовалось слегка поправить благосостояние за счет соседей. Не своих же грабят! Исключительно за границей. С большим трудом их утихомирили, но в тех местах, кроме почти пятнадцати тысяч бывших маньчжурцев и минимального количества друзей на правах хороших соседей, до сих пор никто не селится. Просто не пускают. Все остальные законы они честно соблюдают, что такое центральное правительство и как с ним шутить не стоит, каганы вбили еще в XV веке, присоединяя осколки Орды к Каганату и давя любые поползновения на самостоятельную политику у сильно свободолюбивых жителей окраин.

Если бы они еще приехали в большом количестве, то непременно умудрились бы прихватить пару провинций в соседних странах. К сожалению, после этого случая организованно части из Вольных Войск уже не присылали. А бросить все и приехать не каждый был способен. На Руси они по-прежнему относились к привилегированному сословию, и в Иудею ехали немногие. Разве что вот такие – из воспитанников Старкиса, слегка сдвинувшиеся на религиозной почве.

– Еретик, – с легкой усмешкой, сказал раввин, – отличается он верующего только количеством состоящих в секте. Протестанты – для католиков еретики, шииты для суннитов. Наоборот – столь же верно. Посмотрим еще, чьи взгляды победят. Пока что видно – кто реформировал обряды позже, тот и в выигрыше. Надо вовремя реагировать на изменения окружающего мира. Протестанты сильнее католиков, Русь победила остальное мусульманское общество. Оно застыло в Средневековье, и даже турки оказались не способны модернизироваться, а вот вы совсем другие. Саклавиты ведь для остальных мусульман тоже еретики. В Мекку-то до сих пор не желают пускать?

– Я ездил.

– Простите, хаджи⁶ Берислав, – с осязаемой иронией в голосе повинулся он, – но это до тех пор, пока вы можете настоять на своем силой оружия. Поэтому я предпочитаю руководиться статьей пятой из решения Парижской конференции: «Никакая часть территории Иудеи не может быть уступлена, сдана в аренду или помещена под управление иностранной державы». Очень, кстати, благодарен русской делегации, настоявшей на фиксации слова «Иудеи», а не абстрактной «Палестины». В Палестине могут жить кто угодно, а в Иудее должны проживать иудеи, простите великодушно за тавтологию. «Масло масленое» нехорошо звучит, но тут уж ничего не поделаешь. В нашем Писании, христиане называют его Ветхим Заветом, написано: «Того, кто встанет, чтобы убить тебя, – убей его первым!» Было время мира, а теперь пришло время войны, и не мы это начали. Но мы это закончим!

⁶ Хаджи – совершивший хадж, паломничество в Мекку.

Ранним утром по радио передали повторное выступление Салимова, где он сообщил о предоставлении Иудее полной независимости и передаче всех полномочий местному правительству. Трехмесячный срок прошел. Сразу после этого прозвучали слова: «В этой стране возник еврейский народ. Здесь сложился его духовный, религиозный и политический облик. Здесь он жил в своем суверенном государстве, здесь создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры и завещал миру нетленную Книгу Книг.

Благодаря бескорыстной помощи России созданы такие политические, административные и хозяйственные условия, которые обеспечили установление еврейского национального дома в Иудее и развитие институтов самоуправления.

...Еврейский народ, как и всякий другой народ, обладает естественным правом быть независимым в своем суверенном государстве.

На этом основании мы, члены Народного Совета, представители еврейского населения страны Иудеи и Сионистского движения, собрались в день окончания русского мандата на Иудею, и в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Парижской конференции настоящим провозглашаем создание Еврейского Государства в стране Израиля – Государства Иудея».

Под общие радостные крики раввин организовал общую молитву, которая неожиданно закончилась хорovým пением на мотив «Амурских волн» Макса Кюсса:

Если врата Родины закрыты врагом,
Врата мы разрушим,
Проломим любую стену
И пройдем сквозь пробитые стены.

Слабым и малым
Мы откроем врата Родины.
Для малого и для старого
Мы стоим здесь как щит.

Не плачь, не грусти —
Обопрись на мою руку.
Придет час мести и расплаты
Тому, кто закрыл эти врата.

Слабым и малым
Мы откроем врата Родины,
Для малого и для старого
Мы стоим здесь как щит⁷.

Еще через два часа над поселком появились самолеты с египетскими опознавательными знаками и приступили к бомбежке. Особых повреждений они не нанесли, но праздник закончился. Вторжение состоялось. Мы еще успели плотно пообедать: все равно продукты на продажу не вывезти, и не пропадать же добру, — и слегка поскучать в ожидании дальнейшего, пока на окружающих холмах не появились египтяне в сопровождении вооруженной толпы местных арабов. Они не делали попыток напасть, а просто окружили весь район и изредка стреляли — больше для собственного удовольствия, чем по цели. Причина стала понятна позже.

⁷ «Меж границ». Слова Хаима Хефера (подстрочный перевод).

В нескольких километрах от нас, возле Гадида, начался грохот пушек. Люди молча смотрели в ту сторону и, переглядываясь, расходились по местам. Даже от нас были видны следы разрывов и пламя над зданиями.

Все прекрасно понимали, что и наша очередь не за горами. Стреляли до вечера, и утром все это возобновилось. Попытки разведки ничего не давали: все кругом плотно обложили. Постоянно подходили все новые отряды.

Нас еще дважды бомбили, спалив попутно все деревянные постройки, еще не разобранные на укрепления, и уничтожив хлев. Скот вырвался из стойл и загонов – кони, мулы, стадо овец, коровы, бычки – более сотни голов. Животные метались по поселку, некоторые были ранены или обожжены. Большинство пришлось потом добить. Курятник тоже пропал, накрытый бомбой, зато мяса было вдоволь. Даже места для хранения не хватало. Множество туш валялось кругом, но рисковать, стаскивая их в кучу, не стоило: арабы продолжали регулярно стрелять, и по территории мы передвигались только ползком или по вырытым заранее траншеям.

– Вставайте, – похлопал меня по плечу Моше.

Я сел, протирая глаза. По-прежнему ночь. Глянул на часы. Всего час с небольшим и удалось подремать.

– Что случилось? – спрашиваю, настороженно прислушиваясь. Вроде все тихо. Даже севернее не стреляют.

– Пришел человек с Гадида. Их больше нет.

Я шел, раздвигая собравшихся по траншее. Он был маленький и страшно грязный. На ноге окровавленная повязка. Голова дергается, как при контузии, взгляд беспокойно бежит по лицам. При моем появлении попытался подняться с земли.

– Не вставай, – придержав его, сказал. – Как тебя зовут?

– Мотке.

– Рассказывай, – присаживаясь возле него на корточки, попросил я.

– Седьмая пехотная дивизия, – медленно, выдавливая из себя слова, начал он. Потом заговорил все быстрее, стремясь выложить сразу все, что знает: – Два полка ушли к морскому блоку поселений и тому, что закрывает дорогу в Газу. – Я кивнул: связь с ними по радиостанции была устойчивой, и мы уже об этом знали. – К Гадиду пришли два батальона из третьего полка и несколько сотен арабов из Газы. Сначала был обстрел, потом мы отбили две атаки. Опять обстрел. Опять атаки. Солдаты – дерьмо, воевать не хотят. Офицеры их гонят вперед под угрозой оружия. Надо выбивать командиров – тогда египтяне теряются и отходят. Мы много убили – не меньше двухсот солдат, но патроны кончились. Был приказ сдаваться. Они построили всех уцелевших. Целые, раненые, женщины. Пересчитали – шестьдесят два, и офицер взял у солдата винтовку и воткнул штык в живот моему соседу. Тогда я побежал. Не один, были и другие. Кто-то дошел? – с надеждой спросил. Я молча отрицательно покачал головой. – Тогда я последний. Там кричали, но я не остановился. Страшно кричали. Не расстреливали – мучили перед смертью. Я шел всю ночь, приходилось постоянно пережидать – в окрестностях полно вооруженных арабов, об этом должны знать.

– Ты правильно сделал, – твердо сказал я. – Ты предупредил, и мы теперь в курсе, что здесь капитуляция не поможет. Лучше уж стоять до конца, чем быть зарезанным, как баран. Где врач?

– Я здесь.

– Займись им. Перевязать, накормить. Завтра, – обращаясь к остальным и повышая голос, заявил я, – они придут сюда.

* * *

Опять подул горячий ветер из пустыни. Мало нам было палящего Солнца – так теперь еще песок летел, попадая в пищу, воду, на оружие, проникая даже в закрытый рот. На зубах противно скрипело, и страшный запах гниющих тел, людей и животных сводил с ума. Я, срывая голос, орал на всех, и они медленно, вроде как по инерции, поднимались и занимали свои места. Многим было уже все равно – слишком они были измучены и устали. Двадцать четыре трехдюймовки и несколько тяжелых минометов третьи сутки расстреливали небольшой пятючок, на котором мы отбивались. Вся территория была перекопана взрывами. Не осталось ни одного целого здания и сохранившегося окопа. Даже доты получили по несколько попаданий и зияли дырами.

Последний раз я обстрел такой интенсивности видел под Краковом, и тогда наша армия не выдержала и побежала. Нам отступать было некуда, а у них, похоже, огромное количество снарядов. Иногда артиллерия замолкает, и тогда египтяне идут в атаку. В первый раз я чуть ли не насильно заставил всех сидеть спокойно до самого последнего момента. Мы подпустили их прямо к проволочным заграждениям и расстреляли в упор. Многие и сейчас продолжают там висеть, воняя. Египтяне не делали никаких попыток спасти солдат, даже под прикрытием ночи. Раненые лежали там, где упали, страдая от жажды и боли. Застрелить их было с нашей стороны самое настоящее милосердие. Своих погибших мы относим в одно из убежищ, разбитое прямым попаданием, и там складываем. Хоронить нет возможности.

После гибели сотни человек египетские офицеры вспомнили, что идти в полный рост все-таки не стоит, а лучше сначала евреев уничтожить издалека. Они нас обстреливали, а по ночам мы выкапывали новые окопы и восстанавливали старые. Днем обстрел, ночью работа, и конца этому не видно. Он существует, но только когда живых в Славе уже не останется.

Только что возле меня вяло спорили, сколько было атак за прошлый день. Кто-то уверенно утверждал, что три. Лейба не менее убежденно отстаивал цифру «шесть». На самом деле это совершенно без разницы. Одной больше, одной меньше. Все мечтают о моменте, когда прекратится грохот и перестанут падать снаряды. Тогда можно увидеть врага и стрелять по нем. Ерунда, что большинство огневых точек уже разбито, что уцелело не больше половины бойцов. Люди реагируют на взрыв, угодивший прямо в траншею и убивший еще троих, заторможенно. Они уже не боятся. Им все равно. Моше прямо на позиции отрезали ножом руку по локоть, державшуюся на лоскутке кожи, а он все рвался к своему автомату. За такое у нас давали ордена.

В госпитале нет места, все забито тяжелоранеными, и кто может ходить, отправляются на позиции. Мотке перебило колено, но он все равно до последнего стрелял по наступающим, упирая винтовку о бруствер окопа, пока не погиб. Может, и к лучшему. У меня такое чувство, что с головой у него после всего произошедшего было не в порядке. Уж больно он довольно смеялся, свалив очередного офицера, даже ползал на нейтральную землю. Устроил самую настоящую охоту и убивал, убивал, убивал.

Вчера на нас пустили броневые автомобили. На самом деле это, скорее, легкий танк. 40-мм пушка и пулемет. Четыре человека экипаж. Один мы сожгли, второй подорвался на заботливо приготовленных прямо у единственного нормального въезда в ворота минах, и выскакивающий экипаж я с трудом отбил у желающих порвать на куски. Перед этим «Даймлер» давил окоп, и трое погибли. Я это сделал не из гуманизма. Командира машины на глазах у двух уцелевших застрелил, и они запели, как соловьи.

Все время я продолжаю передавать репортажи по радио от прямого свидетеля, и англичане в качестве пленных оченьгодились. Весь мир должен знать, что они вмешались в происходящее напрямую. Имена, звания, воинская часть – все подробно ушло в Иерусалим.

Теперь что бы ни произошло, сведения будут использованы на самом высоком уровне. Это уже не подзуживание иракцев и египтян из-за спины, и даже не передача им оружия и боеприпасов со складов на Канале. Есть конкретные военнослужащие, выполняющие приказ правительства Великобритании, нарушающего Парижский договор.

Я снимаю с пулемета тряпки, которыми он был обмотан для защиты от песка и падающей от разрывов земли, и упираю сошки для лучшей устойчивости при стрельбе. Я уже пятый хозяин М-9. Четверо предыдущих погибли. Раввин готовился подавать ленту. Он у меня ходил в заместителях, а его религиозный взвод – в последнем резерве. Их тоже осталось не больше десятка. Замещать уже стало некого, кроме самих себя. Теперь мы по очереди обходим остатки позиций и пытаемся подбодрить бойцов. У него получается лучше – профессионал.

Мы ждем. Сейчас из-за песчаных барханов опять появятся египетские пехотинцы. И не жалко им своих солдат... только валяющихся на виду трупов наберется не меньше трех сотен, а есть еще множество раненых. Два убитых врага к одному жителю поселка до начала осады мы уже взяли без сомнения, а заодно и держим здесь регулярный полк, заставляя тратить снаряды на второстепенную цель. Блок поселений, перекрывающий дорогу, погиб, но тоже взял выкуп большой кровью. Седьмая дивизия уже не способна на серьезные действия.

Опять повторяю про проверку оружия и приказываю целиться и стрелять в корпус. Пуля в грудь или живот если и не убьет, солдат уже небоеспособен, а громкие крики боли отваги его товарищам не добавляют. Они все это слышали уже много раз, но в бою все наставления легко забываются. В любом случае с медициной у египтян большие проблемы, и мы точно ополовинили египетский полк. Кто не умер сразу, потом непременно сдохнет в мучениях. Мы ждем.

Сентябрь 1931 г.

– А вы в Истамбуле на берег сойдете? – спросил Чарльз, явно пытаясь перевести разговор на другую тему. Сеанс выворачивания его побуждений наизнанку явно не пришелся ему по душе.

– Чего я там не видел? – равнодушно спрашиваю. – Лучше я посижу в спокойной обстановке и попробую написать что-нибудь на злобу дня. Про американцев, к примеру. Русским читателям будет интересно узнать из первых рук про обнаглевших гангстеров. – Я кивнул на соседний столик, где восседала развязная компания.

– В международной зоне ничего интересного нет, в самом городе – недоброжелательные к иностранцам местные жители. Улочки в центре кривые и узкие. Вместо покрытия – старые плохо подогнанные булыжники. Вонь и грязь страшная. Огромное количество нищих, а также беженцев, изгнанных из бывших европейских турецких владений, захваченных Болгарией, Сербией и Грецией. Естественно, они ненавидят всех подряд и не стесняются это показать. Греков и армян особенно недолюбливают. Правда, те им отвечают взаимностью, но вам от этого нисколько не легче.

Магазины больше похожи на курятники. Повернуться негде, и все завалено барахлом. Зайдешь и не сможешь оторваться от назойливого хозяина, пока ерунду какую не приобретешь. На азиатском берегу и то лучше. Там хоть немного чувствуется модернизация. А на европейском трамвай едет, а прямо на рельсах сидит куча народу и что-то продает. Прямо из-под колес выскакивают. Каждый день кого-то задавят, а им плевать. В упор не замечают идиотизма собственного поведения. Как жили века назад, так и живут. Назло европейцам выколют себе глаз, но предпочитают все-таки ограбить или ножиком пырнуть англичан с французами.

Еще мечети есть. Аль-София и прочая белиберда, на манер подземного зала с тысячей колонн. На самом деле давно подсчитано, что их только двести двадцать четыре, и ничего интересного в этом нет. С потолка капает, внизу бассейн для сбора воды. Все. Да, в мечеть

лучше не соваться. При вашем знании турецкого и полном отсутствии умения себя правильно вести могут и голову оторвать.

– Я как раз думал, что вы сможете перевести, и общаться с местными жителями будет проще.

– С чего это вдруг? – поразился я. – А! Вы тоже решили, что я замечательно говорю на турецком, раз русский! Вечно на этом попадают все иностранцы. Раз мы азиаты и татары где-то там, в глубине степей, так должны объясняться на том же языке. «Поскреби русского – и обнаружишь татарина». Если бы так! С семнадцатого века мы лезем в Европу, а нас все за тюрок принимают.

Давно мы их ассимилировали и растворили в себе. А заодно и кучу мелких народностей. Булгар, кумыков, карачаевцев, балкарцев, половцев, печенегов, крымских татар, литовцев и вообще массу всяких разных. Русские способны переварить любого. Есть у нас в языке масса слов тюрского происхождения, как и литовских, и даже арабских, но в основе мы – славяне. Скорее с сербами или чехами друг друга пойдем, чем с турками. Да, мы вполне азиатского происхождения, но к степнякам отношения не имеем. Я в медресе отнюдь не турецкий учил. Немецкий, английский и арабский. Вполне достаточно. Вот чиновники в округах с преобладанием нерусского населения получают надбавку к жалованью за знание местного языка. Мне этого совершенно не требуется.

– Простите, но ведь турки тоже не кочевники.

– Ага, – согласился я. – Попробуйте открыть книжку серьезнее путеводителя и выяснить, откуда пришли туркменские предки султанов. Это совсем не тайна. Они даже гордятся своим героическим прошлым. Пришли и подчинили местное население. Данишмендиды. Вы попробуйте произнести: Данишмендидская империя. Звучит как ругань. Нормальный европеец в жизни не произнесет правильно. Даже туркмен в турок превратили.

Первый широко известный Данишменд звался Мудрый. В отличие от прочих турецких эмиров, почти поголовно неграмотных, этот вроде бы даже не туркмен был, хотя ему нарисовали потомки древнюю биографию с замечательными предками. А про его величие до сих пор учат в школах. Есть такой эпос – «Подвиги царя Данишменда», где повествуется о завоевании Мелетии, армянского города к юго-востоку от Анкары. Авторы этого сочинения считали падение города поворотным пунктом в исламизации того, что впоследствии стало Турцией.

Не заставляйте меня выполнять работу гида. Уж нам-то в детстве вбивали в голову очень подробно историю Турецкой и Русской империй. Шесть войн – это вам не кот начхал. Первая проиграна, вторая – с очень сомнительным результатом, когда пришлось признать независимость Крымского ханства, а дальше постепенное отнимание территории у Турецкой империи. До сих пор даты помню и могу разные подробности выложить без запинки. Вечное соперничество двух государств, претендующих на величие. Кстати, у нас не ругали турок, а очень уважительно к ним относились. Ну, кроме короткого периода уже в девятнадцатом веке, когда они устроили у себя изрядные армянские погромы. Победитель может себе позволить быть великодушным.

Так что давайте лучше о чем нейтральном. Про красоты Греции, к примеру. Я там ни разу не был, а говорят, интересно.

Ага, буду я ему рассказывать, как греки меня при случае приголубят за описания их поведения на войне. Да и турки тоже. В этом смысле я был страшно беспристрастен, а зверствовали они очень схоже. Вечные обиды народов, проживающих по соседству. Армия входит в город или деревню, и страдают совершенно посторонние люди. Иногда при виде иностранцев они все-таки стеснялись, но обычно делали что хотели, и вмешиваться не рекомендовалось. Вполне способны были под настроение к стенке поставить. Это еще мягкий вариант. Когда прикладами забивают или камнями закидывают, гораздо неприятнее и больнее.

– Или тоже врут путеводители для туристов? – спрашиваю Чарли.

– Нет, – отмахнулся он. – Там действительно красиво. Но мне просто интересно... Вот вы победили Турцию, имеете на ее территории две военные базы и контролируете проливы. И к вам население относится доброжелательно. Почему так? Потому что вы мусульмане и это решающий фактор?

– Вот уж совершенно не в этом дело. Турецкий султан всегда претендовал на право руководить всеми мусульманами, а Русь отказывалась подчиняться и, более того, регулярно билась турецкие войска. Просто мы не расчленили Турецкую империю. И во внутренние дела никогда не вмешивались. Зато давали кредиты на промышленное развитие и оружие во время войны с греками. И заводы помогали строить, присылая специалистов. Люди прекрасно видят хорошее и плохое. Попытку оккупации после Австрийской войны Англией и Францией, отрыв провинций и заключение неравноправных договоров с европейскими странами. И прекрасно понимают, что единственный союзник для них – Русь. Пусть не бескорыстный, но заинтересованный в независимости и развитии страны.

А мусульмане мы плохие, и это известно всем и каждому. Мы «протестанты» мусульманства, как существуют протестанты христианства. Две большие религиозные реформы, не считая языческих пережитков и большого отката перед Австрийской войной. Я вот спокойно употребляю алкоголь, и в «Иншалла» мы вкладываем совсем другой смысл. На слух одинаково – «если на то будет воля Аллаха», а толкуем по-разному...

У нас это не «На все Божья воля», как у остальных, при полном отсутствии выбора, а возможность собственных действий. Сможешь или нет, зависит от тебя, и Аллах доброжелательно дает тебе трудиться на благо мира. Нет предопределенности, и ты изменяешь окружающую действительность. Во славу Аллаха и по воле его.

Я замолчал, дождавшись искомого представления и перестав учить американца. Понять тонкости и расхождения в наших традициях и обрядах, тем более в толкованиях законов, ему все равно не удастся. Не потому что тупой – как раз нет, но тут требуется совсем другое воспитание. До меня в детстве не доходило, почему отец настойчиво требовал благодарить в молитвах Милонега и Акбара, – ведь нам не позволено иметь других кумиров, а на их могилы ходят толпами. А потом я очень близко познакомился с жизнью мусульманских народов, так и не понявших, что мир не остановился в развитии. Страшно себе представить, чем могла кончиться история Руси, если бы мы пошли по общему пути мусульман. Сначала взлет, потом – застывшая в жестких рамках традиция. Полное отсутствие развития и погружение во тьму, где ходят европейские сагибы и цедят указания сквозь зубы.

На концертный подиум поднялась моя знакомая. На ней было красивое облегающее платье, подчеркивающее фигуру и показывающее во всей красе длинные ноги. Прическу сделала, приведя голову в порядок. Чарли хитро блеснул в мою сторону глазами и уверенно набулькал себе очередную рюмку. Заслужил. Нетрудно было догадаться, что именно я хотел узнать. В этой среде все обо всех прекрасно знают. Все обожают сплетни. Будет теперь еще одна тема для разговоров.

Она что-то негромко сказала музыкантам и запела совсем не стандартный джаз, а, скорее, романс. Еще и по-русски. Американцы с легкой оторопью прислушивались, не понимая. У меня было чувство, что исполняется для меня.

Пусть томительна наша разлука,
Пусть горька ожидания грусть —
Свое верное сердце и руку
Лишь тебе я отдать соглашусь!

Ты, только ты —
других в мире нет!

Ты – мой любимый, мой суженый!
Ждать я тебя
готова хоть тысячу лет —
Ты, только ты, и никто больше в мире не нужен мне!⁸

На сцену в очередной раз стандартно полез перепивший бык, в черно-белых штиблетах и с кучей золотых перстней на руках. Голова набриолиненная, как модно среди определенной категории граждан, и с откормленной на подозрительных доходах ряшкой. На ногах он держался нетвердо, и поэтому от первых объятий Настя уклонилась. Я не стал дожидаться, пока он ее страстно обнимет, поднялся и, дружески приобняв, несильно ткнул пальцем в шею. Учили меня в свое время. Не забыл еще полезной науки. Он тут же обмяк и успокоился. Я старательно подтащил его к столу и усадил. Его приятели ничего не поняли, а вот Настя заметила.

Надо знать места, куда бить. В таких случаях сила совсем не нужна, и скандал тоже. Ну, переломали бы ползала – кому это нужно? Ни мне, ни владельцам парохода. Парень я нехилый, но устраивать драк не люблю. К чему портить себе здоровье, рискуя поломанными ребрами и головой? Я привык проявлять агрессию только в серьезных переделках, а не по пьяни. Или вот так, или сразу ножом под ребро. Мы, восточные люди, народ горячий, но чаще все-таки на публику изображаем. Я – так точно. Давно научился при необходимости терпеть идиотов, включая собственных начальников, и кланяться, но могу и припомнить потом. Без свидетелей.

Уже к закрытию она подошла и присела рядом.

– Пить не буду, – сообщила Настя (не называть же Анастасией) на мое движение к бутылке и улыбнулась. Это для публики. – Надо же проверить, как там на самом деле будет? – Она положила свою ладонь мне на руку и прямо посмотрела в глаза.

Утром я осторожно, стараясь не потревожить девушку, вылез из-под одеяла, сделал свои дела и умылся. Потом достал компас и честно определил направление на Мекку. Если уж делаешь что-то, старайся все сделать по правилам. Минут через десять я краем глаза засек, что Настя села и молча стала смотреть. Она сидела, не пытаясь замотаться в простыню и прикрыться от моего взгляда, совершенно не стесняясь. Чего скрывать – все было внимательно изучено и тщательно проверено. Теперь я точно знал, что она натуральная блондинка.

– А я-то думала, что вы уже совсем западные люди, – сказала она с изрядным удивлением, когда я поднялся.

– Как всегда, – ныряя под одеяло и обнимая ее, отвечаю, – кто как. Я молюсь не часто, просто такой день. Мой старший брат погиб на фронте сегодня, много лет назад. Я всегда его вспоминаю, а заодно и остальных. Не обязательно мусульман – всех, кто воевал рядом. За эти годы их было очень много, и если даже пользы нет, я это делаю для себя. Пока память жива – они существуют.

– Господи, – воскликнула Настя, – до меня только сейчас дошло, откуда я твое имя помню! Это ж ты тот тип, из-за которого чуть не началась большая война в Европе!

– Это серьезное преувеличение, – отказался я. – И без меня бы ничего не изменилось. Я совершенно случайно оказался в нужном месте в нужное время. Кто желает попробовать, как это весело – бегать под обстрелом, рекомендую съездить в Китай. Скоро там начнется.

– Постой-постой, – пробормотала Настя, – вся эта скромность замечательна, но тебе отвалили несколько премий.

– Подумаешь, – отперся я, – русская и немецкая – за лучший репортаж. Исключительно по политическим соображениям, за правильное освещение событий. Американская – за выдающуюся подачу сенсационного материала. Вот за что дали французы – я так и не понял. Наверное, за неупоминание их действий. Так это не по доброте душевной. Сам я не видел ничего,

⁸ Слова Михаила Ножкина.

а то немногое, что слышал, зарезала цензура. Мне в Великобританию теперь ездить не рекомендуется: могут и в суд потащить. А могут и камнями закидать. Лучше уж не рисковать и не проверять. Пусть свое правительство обвиняют в глупости. Нечего было посылать своих военнослужащих на чужую войну. Попробовали вмешиваться, получили слегка по шее – так утрись и помалкивай.

– Да я вообще считала, что вас всех убили!

– Нам изрядно повезло. В один прекрасный для нас день они побросали все лишнее и срочно отправились в направлении дома. Правда, не помогло – уже поздно было. Пока египтяне тупо бились лбом об иудейские поселки, с юга их отрезали. Три дивизии попали в мешок и быстро сдались. Дальше уже иудеи спокойно двигались до самого канала, не встречая особого сопротивления.

«Ну, не вполне так», – самокритично подумал, но не стал говорить вслух. С Австрийской войны не было такого зрелища. Единственное, что отсутствовало, – так русские советники. На кой они сдались, если вся армейская верхушка Иудеи прошла через наши училища и командные курсы, а летчики с танкистами обучались по той же программе, что и собственные, только еще более интенсивные тренировки прошли. Да еще и добровольцы набежали. Как легко их Салимов отпускал – никто бы и не мог заранее подумать. Единственное – ставили перед выбором: какое гражданство. Двойное у нас под запретом, а служба в чужих воинских частях приравнивается к преступлению. А тут... раз-два – и езжай куда угодно. В смысле, в определенную сторону.

А все остальное присутствовало в совершенно диком количестве. Когда у нас над головами десятки самолетов крутились в схватке и танки ездили длинными колоннами. Летчики у арабов были все больше английские, но количество сбитых с обеих сторон точно за пару сотен перевалило в считанные недели. Некоторых так и не нашли – пустыня большая, а без воды выбраться сложно.

Насмотрелся я на новые веяния в военной науке. Большой прогресс нас ожидает в будущем. Бомбежки городов, серьезные танковые прорывы на большую глубину. Отсутствие окопной войны и важность техники вообще и грузовой в особенности. Совсем не требовалось выбрасывать парашютный десант в тылу египетской армии и высаживать морской в Порт-Саиде, но тут уж развернулись во всю силу. Где еще проверить тактику и стратегию, возможности новой военной техники, как не в реальных боевых действиях? Там одних докладов по итогам боевых действий в русский Генштаб ушло – на несколько томов. Полный список недостатков и достоинств. Теперь есть над чем штабистам хорошо подумать. Тоже, суки гребаные, тянули до самого последнего момента, а потом за месяц пригнали в Хайфский порт несколько десятков грузовых кораблей с танками, самолетами и боеприпасами. И ведь сумели скрыть подготовку!

Зато и приползшие английские утюги с громадными калибрами оказались не перед устаревшими кораблями, а перед мощным авиационным кулаком, готовым к атакам морских целей. Еще неизвестно, кому бы хуже пришлось. Основу египетского флота – два старых эсминца, когда-то принадлежавших Турецкой империи и переданных ВМФ Хедифа⁹, – показательно атаковали прямо на выходе из гавани. Один утоп после двух попаданий, а второй умудрился доковылять назад и встал, хорошо если не на вечный прикол. Чинить его обойдется дороже, чем новый приобрести. Все это происходило прямо на глазах собравшихся в порту, и мало кто догадался, что результаты оказались достаточно паршивыми. Бомбы были маломощны, а торпедная атака вообще не вышла. Одно попадание – все равно что не было. Тренироваться еще придется долго. Зато шуму было много.

⁹ Хедиф – господин, государь (*перс.*) – титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Турции. После провозглашения английского протектората над Египтом египетские правители приняли титул султана.

Вышел чистый пат. Кораблями войну на суше не выиграешь, а то немногое, что имелось под рукой, уже практически уничтожено доблестными борцами за независимость, исключительно защищавшимися. Британцы, единственное, могут в отместку закрыть Черное море, и тут Русь никак не останется в стороне. Обязательно поддержит всеми силами Иудею, блокирующую Канал. Вот уж радости было в английском парламенте, когда появились доказательства, что британские подразделения напали на мирно пахущих земледельцев. Ладно бы еще они их поразгоняли – так вместо этого в плен угодили, и весь бронедивизион погиб. Такого скандала в Лондоне давно уже не было.

Налицо нарушение со стороны Великобритании Парижского договора, соглашения о послевоенных границах – и заявка на передел колоний. Такие заходы остальной Европе понабраться никак не могли.

Начинать большую войну из-за пустыни англичане вовсе не желали. Потерять прямую дорогу в Азию и плавать вокруг всей Африки – тоже. Пришлось делать невинную рожу лица и договариваться.

И набежала сразу куча посредников, готовых оказать всю возможную помощь. Австрийцы, американцы, французы, даже итальянцы с испанцами. Наш Диктатор был в своей стихии – половину обаял, половину кинул, как дурачков, и все про мир во всем мире рассуждал. Все давно уже было запланировано и просчитано. Ни в каких посредниках он абсолютно не нуждался. Под шумок утрясли разногласия в Турции, Афганистане и Китае. Большинство пунктов соглашения даже не обсуждалось: все решили за закрытыми дверями, в кратчайшие сроки.

Теперь граница независимой Иудеи проходит в тридцати милях от канала, и Синай демилитаризован. Там только иудейская полиция имеет право находиться. Как это элементарно при желании обходится, я видел на практике. У каждого поселенца по винтовке с пулеметом, а теперь еще и что посерьезнее появится. Египтян никто особо и не спрашивал. Они только на словах независимые – подписали все как миленькие. Египет в свое время получил право лишь на административное управление Синаем. Согласно международным законам, после неспровоцированной атаки полуостров принадлежит Иудее. А его территория имеет важнейшую стратегическую значимость. С какой стати возвращать?

Граница с Ираком, как и по Парижскому соглашению, прошла по реке Иордан, но населения без имущества в и так не самом богатом государстве мира чрезвычайно прибавилось. Всех буйных арабов, доказавших на деле свою нелояльность, выселили без права на возвращение. Очень немногие остались, вовремя сообразившие, чем вся эта война пахнет. Они даже не столько умными были, сколько имели счеты с другими кланами и выступали с самого начала на еврейской стороне. Что здесь, что на Кавказе люди одинаковые, и побуждения у них тоже. Надежды на присоединение арабского анклава к английским ставленникам Хошемитам¹⁰ испарились как дым сигарет под легким ветерком.

Пусть Великобритания расхлебывает результат.

Договор заранее был хорошо просчитан, и, как сейчас понятно абсолютно всем, первоначальная еврейская паника и глухое молчание Руси были хорошо обдуманной провокацией. Нехорошо, но ты не провоцируйся и не разевай рот на чужой каравай. А если поймали вора за руку, придется отработать.

Ничто не изменилось только на севере. Граница Иудеи по реке Литани, как и было. Французы вмешиваться в арабо-еврейскую драку не стали, и очень удачно для себя. Никаких претензий, сплошные вежливые поклоны. А вот Ирак с Египтом изрядно наказали.

Национальные государства – это современный идеал. Немцам и русским можно, разным грекам и французам тоже. Почему иудеям нельзя? Чего они хотели, то и получили. А

¹⁰ Хошемиты (Хашимиты) – потомки Хашима ибн Абд ад-Дара, деда Пророка Мухаммада, включая самого Пророка.

Русь – ВМБ, которая так и останется в Хайфе, и полигон. Заодно и возможность выпустить пар, отправив в новое государство свое слишком энергичное национальное меньшинство, не разрывая связи. На волне энтузиазма многие поскакали толпами. Стадный инстинкт. Бросили какую-никакую, но устроенную жизнь и поехали создавать свое собственное государство. Будут теперь заселять свою землю обетованную, а заодно и пустыни Синай. Богатые все равно не поедут, но и налоги с деньгами с собой не увезут. А что помогать соплеменникам станут – так оно и к лучшему. Меньше вернется.

– Так, – сказала Настя, хлопая меня по ползущей от талии вниз руке, – не мешай. Я пытаюсь понять... Так ты, оказывается, совсем не бедный?

– Это насчет премий? Они чисто престижные, без чеков со многими нулями. Зато когда теперь печатают, совсем другие гонорары. Но если уж меня не выгоняют из вашего пароходного общества, то не нищий. Без обмана. Кое-что в кармане брякает.

– Как ты сюда попал, я знаю...

Не только я вопросы задавал, догадываюсь без всяких сложностей.

– Но это стало уже гораздо интереснее, – продолжает Настя. – Я сделала сильный ход. Теперь надо только на себе женить – и дело в шляпе.

– Ты будешь моей любимой четвертой женой, – зарычал я, заваливая ее на постель. – Разве я могу отказать такой прекрасной женщине? И потом это в порядке традиции – брать жен из дальних краев. Сходил в набег на чужое судно и унес парочку девиц.

– Вам можно только одну жену, – хихикая, заявила Настя. – Салимов запретил многоженство. Я точно знаю. И прекрасно можно обойтись гражданским браком.

– Надо было отловить нормальную американку, глупую и не говорящую по-русски. Запереть ее в комнате и сказать, что так и положено. Они страшно закомплексованные, на словах требуют равноправия, а сами желают подчинения и разврата.

– Где ты видел раньше американок? – задыхаясь от смеха, спрашивает она.

– В кино, в наших краях они не водятся, – продолжая настойчиво ее ласкать, объясняю. Настя изгибается под руками, обнимает меня за плечи и охотно отвечает поцелуем.

– Надо только внимательно смотреть, – оторвавшись на мгновение от ее губ, сказал я. – Чтоб не подсунули завалящий товар. До вечера времени полно – продолжим знакомство по полной программе.

– Специалист! Я желаю разврата и безумия.

– А вот и проверим на практике – я никогда не отказываю женщине, столь явно стремящейся узнать, что именно она потеряла, смывшись от русских в Америку. Особенно если она так красива.

– Может, не стоит искать богатого мужа, – сказала Настя задумчиво, садясь под утро на кровати и предоставляя мне возможность полюбоваться на свою обнаженную фигуру. – Молодой любовник – тоже неплохо, – закончила она. – Еще лучше – богатый старенький муж и такой замечательный парень в постели одновременно. Она хихикнула. – Снимать стресс и напряжение от тяжелой жизни. Ничто так не возвышает в собственных глазах, – сообщает Настя, – как наличие симпатичного ухажера, способного вызвать зависть у окружающих. Мне наши бабы уже успели высказать свое порицание.

Говорит она по-русски достаточно чисто, но иногда буквально режут слух эти выражения. Не говорят по-русски «бабы» – разве что про замученных трудами праведными крестьянок. Городские уже требуют именовать себя «барышнями» или «женщинами», даже в селе не иначе как «гражданками» желают именоваться.

– А они откуда знают? – удивился я. – Мы только-только близко познакомились.

– Наш коллектив достаточно маленький, а ты так явно проявлял интерес. Весь вечер торчал в зале и контролировал. А потом... Мог быть и поосторожнее, – недовольно сказала

Настя, глядя себе на грудь: придется надевать закрытое платье – вся в засосах. Сразу внимание обратили.

– Не мог, – возражаю я, проводя рукой по уже знакомой не только издавна женской спине. – Уж очень завелся. И вообще... кто-то ставит печать в паспорт, а я – прямо на оригинал. Обещаю обеспечить тебя платьями по прибытии в Одессу. Закрытыми и открытыми. На любой вкус. У нас еще двое суток, и в порыве страсти я непременно разорву хоть одно. А лучше два. А еще лучше – не выпущу тебя из каюты до самого порта. Тогда и раздевать не придется. Еду нам принесут прямо сюда, так и будем развлекаться.

Она перегнулась через меня и достала из моих брюк пачку сигарет. Выбила одну щелчком и прикурила от зажигалки. Моей, естественно.

– Я подозреваю, – сказала она, докурив, – что ты, со своей известностью, страшно популярен в женском обществе.

На всякий случай я промолчал. Никогда не знаешь, как женщина отреагирует на согласие с подобным высказыванием. Они обязательно хотят, чтобы ты был верен и не вздумал бежать, но при этом еще и торжествовать над всеми предыдущими и будущими конкурентками. Не мальчик я уже давно, да и поездил по разным странам достаточно. Есть с чем сравнивать. В Дон-Жуаны записывать не стоит, но утешать несчастных жен приходилось неоднократно. Вот от девиц я старательно бегаю. Совершенно не привлекают разъяренные папаши, требующие жениться. С чужими супругами всегда приятнее иметь дело. Им нет необходимости в кормилеце или стабильности. Немного отдыха от семейной жизни, очень много страсти – и вполне довольная возвращается к собственному мужу и привычной жизни.

– Ты там случайно не для эротического романа записываешь подробности? – показывая на столик с моими бумагами, спрашивает.

– Я еще не пал так низко, – вполне искренне возмущаюсь. – Можешь посмотреть.

– Я не умею читать на русском. Мы всегда писали латинскими буквами.

А почему бы и нет, подумал я.

– Тогда я сам прочитаю, ты первая услышишь. Я еще никому не показывал.

1095 г.

Хасан терпеливо ждал, пока Учитель обратит на него внимание. Аль-Хамид¹¹ замер в неподвижности. Высшая ступень – открытие сердца Всевышнему, допущение туда. Воину это не доступно. Для обретения просветления, или божественной благодати, надо освободиться от всего искусственного. Это слишком сложно для земного человека.

Он не мог не пригласить Учителя во Владимир. Как только узнал о смерти Низам аль-Мулька¹², так и написал письмо. Не надо было быть мудрецом, чтобы догадаться, что следует за этим. Нормальной жизни в Багдаде для преподавателя в медресе, о котором говорили самое разное и серьезно недолюбливали во дворце, уже не будет. Конечно, Учитель предпочел бы Мекку и Медину, даже Дамаск, но ведь он все равно собирался бросить старую жизнь и удалиться от склок в среде богословов и законовеев, погрязших в бессмысленной риторике. Если уж нести знание, то лучшего места, чем Русь, не найти.

Да, это далеко не его родные края, и здесь мало кто слышал об Аль-Хамиде, но именно в этом и интерес. Сделать невиданное – просвещать и учить невежественных людей. Не вышло из младшего сына князя улема-ученого, даже учеба в багдадском медресе впрок не пошла – не то воспитание и характер. Рука Хасана больше привычна к рукояти сабли, и тело к тяжести

¹¹ Аль-Хамид – Абу-Хамид Мухаммад ибн-Мухаммад аль-Газали (1058–1111), исламский богослов и философ персидского происхождения. Один из наиболее авторитетных учителей, входит в число основателей суфизма.

¹² Низам аль-Мульк – Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси (1018 или 1019/1020 – 14 октября 1092), персидский государственный деятель на службе у сельджукских султанов, один из выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока.

кольчуги, но это он твердо усвоил: есть путь меча и огня – есть дорога Слова. Что важнее, никто не скажет. И то, и другое необходимо. И хорошо, что князь Ярополк это понимает, а не просто выслушал младшего родственника и тут же забыл. Помог с приглашением, обещав кормление для ученых из далеких стран. Времена Владимира и Ярослава отошли в прошлое. После смерти Ярослава благополучное сильное государство в угоду одной семье было разделено (разорвано) на пять частей. Намного реже закладывают мечети и снисходительно смотрят на поведение окружающих. Забыли многие, как Добрыня обрезал Новгород мечом, а Путята огнем. Боятся слишком усердствовать в обращении – прекрасно помнят, как разбежались недовольные во все стороны, оставляя князей без дани и добычи. И без того из-за бесконечных междоусобиц проблемы с торговлей и спокойной жизнью в стране. Даже для школ и медресе вечно не хватает денег, бессмысленно растрачиваемых на столкновения детей и внуков Великих Каганов.

Наделив остальных четырех сыновей земельными владениями, Ярослав потребовал от них неукоснительного соблюдения своего «докончального ряда» и категорически запретил им заниматься усобицами и переступать границы «братних наделов». Новому великому князю был поручен контроль над держателями: «Аще кто хочет обидети брата своего, то ты (Изяслав) помогай, его же обидять». Ярослав Мудрый вовсе не помышлял о разделе территории государства. Закон о старшем наследнике был четким, но не прошло и полсотни лет, как заветы его забыли. Единственный из князей, кто в хадж ходил. Остальные – разве что когда их со стола княжеского изгоняли, ездили за помощью. Что в Хорезм, что в Багдад или Тмутаракань. Так на это тоже серебро необходимо. Задаром и халиф войска не пришлет.

Не помнят князья и о просвещении народа, о распространении веры среди язычников, и закрывают глаза на непотребства творимые. Ни один князь и не подумает двинуться на помощь другому, пока это не затрагивает его личных интересов. Нельзя на это спокойно смотреть. Мусульмане уже заняли всю Малую Азию. Турки-сельджуки тоже новообращенные, и если еще и на севере пламя джихада разгорится ярко, воины Пророка будут править в мире!

Аль-Хамид открыл глаза и ласково улыбнулся.

– Спасибо тебе, Хасан, – сказал он, – за то, что ты сделал для меня. В какой-то момент я потерял надежду на людей и разуверился в их делах. Даже думал о жизни отшельника. Если перед тобой две возможности, и ты не знаешь, какое из них правильное, сравни, чего тебе хочется больше, и выбери другое, ибо самое правильное решение – бороться со своими страстями и желаниями. Он сделал отрицательный жест, останавливая Хасана. – Нет, еще, оказывается, рано забывать о жизни и закрываться в келье. Есть только две вещи, одинаково нужные всем. Познание божественной благодати и знания об окружающем мире.

Я увидел удивительные и страшные вещи. Огромная страна, у которой нет края и конца, покрытая дремучими лесами. Множество зверей разного вида, водящихся в чащобах. Туры, медведи, олени, дикие кони, вепри, лоси, бобры, лисы, зайцы... Огромное разнообразие видов, я даже иногда не знал названий. Полноводные реки, заполненные рыбой. Пушнина, мед, веревки, лучше которых нет для корабельных снастей, всевозможный скот... Коровы, овцы, козы. Пшеница, рожь и ячмень. Здесь есть все, что угодно. Богатейшая земля, и товары ее идут во все стороны по рекам и морям, а взамен привозят шелк и приправы. Серебро и золото. И оружие. О да! Здесь мастерски делают оружие и умеют воевать. Богатейшие места.

А еще люди. Умные и глупые, добрые и злые, честные и трудолюбивые. Огромный потенциал и тяжелейшие условия, когда урожай два с половиной. Только и хватает, чтобы прокормить себя, оставить на посев и содержать дружину. Это не наш благодатный юг, который тоже вовсе не райское место. Здесь жизнь гораздо тяжелее, но воспитывает взаимопомощь, и в одном хозяйстве одновременно существуют, просто вынуждены, разнообразные отрасли. Иначе не выжить. Тут имеется огромный потенциал, но страна через сто лет только формально мусульманская.

Они произносят правильные слова, но не понимают их, потому что родной язык вовсе не арабский...

– Есть переводы на русский, – перебил его Хасан.

– Да, – согласился Аль-Хамид, – я видел. Но ты-то обязан понимать, что перевод смыслов Корана должен опираться на достоверные хадисы пророка Мухаммада, соответствовать принципам арабского языка и общепринятым положениям мусульманского шариата. Перевод – это простое разъяснение смыслов Корана. Он не может служить заменой Корану во время намазов.

– Сорок первая сура, – глядя в пол, сказал Хасан. – Сказано: «Если бы Мы ниспослали Коран не на арабском, а на ином языке, как некоторые упорные неверные предлагали, отрицая его, они бы сказали: —Не можешь ли ты разъяснить его айаты на языке, который мы понимаем? Как же это Писание не на арабском языке, а обращено к арабам?!»¹³ К русским обращено, говорят многие, а неведомо, что сказано. Коран ниспослан Аллахом для тех, кто уверовал, как руководство к прямому пути и исцеление от сомнений и тревог. А неверные не слышат призыва к Корану, на каком языке ни объясняй.

– Не отклоняйтесь от прямого пути, следуя за вашими желаниями и ложными идеями.

– Очень мало настоящих знатоков, – пробурчал Хасан. – Получается бессмысленное заучивание текстов – вот и воспринимают ислам в очень упрощенном виде, перенимая внешние обряды и обычаи. Даже искренне верующие нередко не знают простейших вещей, а уж учить арабский язык могут разве что у купцов. Не слишком многие сюда едут. Другой климат, другая жизнь, очень отличающаяся от привычной. Так для простолюдинов не самое худшее – на родном языке знать.

– Оно еще хуже, чем я надеялся, – покачал головой Аль-Хамид. – Не можешь ты этого не понимать. Как тебя звали в детстве?

– Всеволод, – покраснев, ответил тот. У большинства русских всегда было два имени. Одно домашнее, другое для посторонних. Он не исключение.

– Не надо этого стесняться. Ты нашел правильный путь и истинную веру, но проблема в том, что множество людей, произнося шахаду¹⁴, не меняются мгновенно. Они по-прежнему мыслят, как и раньше, языческие привычки никуда не исчезли, и, живя в окружении таких же, нередко вспоминают древние праздники, языческие суеверия или вовсе забывают правильную веру и Пророка (мир с ним). На всю деревню нет ни одного истинно верующего, никто не умеет читать и не знает хадисов или законов шариата. Так и живут по старым правилам! Надо создавать училища для детей, и не только городских. Брать, как это делали Владимир и Ярослав, малолетних детей и воспитывать правильно. Чтобы несли они правильные слова правоверным. Не тупо заученные, а понимая тонкости, и способные наставить на путь истины. Надо служить Аллаху душой, и требуется воспитывать таких отроков отдельно от родителей. Это и будет опора Веры. Да и князя тоже.

– Когда он хочет встретиться со мной? – после паузы спросил Аль-Хамид.

– Завтра.

– Прекрасно. Он ведь знает тюрки¹⁵?

– Как и большинство городских. Торговля. Только...

– Договаривай.

¹³ Коран, 41:44.

¹⁴ Шахада – исламский символ веры, свидетельствующий веру в Единого Бога (Аллаха) и пророческую миссию Пророка и Посланника Мухаммада. Необходимое и достаточное условие для принятия ислама. «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха» – означает, что человек, произносящий эти слова, обладает знанием и убеждением в том, что никто не достоин поклонения, кроме одного Аллаха, у которого нет сотоварищей. «Я свидетельствую, что Мухаммад – Его раб и Его посланник». Произносящий подтверждает свое убеждение в том, что Аллах послал своего пророка Мухаммада ко всем людям с радостным известием и предупреждением, который призывает к единобожию, поклонению одному Аллаху и подчинению только «Господу миров». Человек, произнося это свидетельство искренне ради Аллаха, становится мусульманином.

¹⁵ Тюрки – язык, использовавшийся различными (преимущественно, но не исключительно) тюркскими народами.

– Когда я писал, – опутив глаза в пол, пробормотал Хасан, – было немного по-другому. Он и сейчас относится к мысли открыть медресе хорошо, но, похоже, скоро начнется очередная война с соседями. Деньги нужны совсем на другие цели.

– Вечно одно во всей земле, – усмехнулся краем рта Учитель. – Страна расширяется завоеваниями. Проходит срок – и выясняется невозможность управления из центра этими огромными территориями. Пока гонец доскачет до окраины, при самой лучшей постановке почтовой службы, уже война может кончиться. Вот и приходится назначать на места верных людей. Давать им права и возможность кормления. Проходят годы, сменяется халиф – и обнаруживается, что земли, пожалованные на время, назначенные на должность достойные и преданные люди считают уже своей собственностью. У них имеются собственные военные силы, они проводят внутреннюю и нередко внешнюю политику на подвластных территориях, исходя из местных условий. И в один не очень прекрасный для халифа момент задумываются, зачем платить дань ничего не делающему для них центру. Не лучше ли основать собственную династию и править спокойно? Конечно, для этого должны быть достаточные силы, а значит, и богатое население. Если он окажется побежденным, его уделом будут смерть и позор. А если посчастливится выиграть, он может стать основателем новой династии. Жизнь на острие клинка. Любая ошибка будет роковой, и редко кто умрет в своей постели. Не слишком отличается?

– Да, в общем, нет, – подумав, сознался Хасан.

– Нам нет дела до проблем князей, эмиров и халифов. Мы учим Вере. А кто правит на земле, абсолютно все равно. Тот или другой князь, население должно помнить: «Нет Бога кроме Аллаха, и Магоммед Пророк его!» Уличи, кривичи, болгары или славяне... Кто еще здесь живет?

– Много разных. Вятичи, ятвяги, меряне, северяне, и не все одного языка. Одних племен славянских четырнадцать.

– Значит, будет сложнее, но интереснее. Не одно медресе нужно, и связи требуются у разных князей. Нам нельзя становиться на чью-то сторону, если только это не внешняя угроза для всех. Испытания и тяжкий труд ждут нас, но первый шаг был уже сделан раньше. Прямого и явного сопротивления не будет. Все, пусть даже на словах, уже мусульмане. А вот сделать их истинно верующими – задача для многих лет. Ни я, ни ты сами по себе не справимся. Воспитывать надо новых людей и посылать их нести вокруг свет Веры. Не идти на конфликт с криками: «Язычники, неверные, безбожники», – а учить настойчиво. Терпение и упорство необходимы. Неразборчивость в средствах приносит исключительно вред. Пророк – мир ему! – говорил, что «доносительство приводит к гибели всех, кто имеет к нему касательство, – того, кто доносит, того, на кого доносят, того, кому доносят. —Правдивая|| хула, сплетня и донос позорят так же, как ложь».

А кто упорствовать будет, – после паузы добавил Аль-Хамид, – на того и сталь найдется. Но это уже в последнюю очередь. Проще всего всех убить, но нам ссориться с князьями не с руки. Сейчас. Расскажи мне лучше про «Правду» Ярослава и земельные законы подробно. «Дедина», «отчина», «дом», «жизнь». Когда еще удастся заставить жить по законам шариата всех, – а понимать разницу необходимо.

– «Дедина» и «отчина» – родовые наследные владения князей. Фактически отчина – это территория, на которую распространяется политическая власть князя, а дедина – его наследственные земли.

«Дом» и «жизнь» – это личные владения. Где он ведет свое хозяйство, и занимаемые арендаторами либо переданные в пользование своим боярам или дружинникам, за заслуги и в качестве вознаграждения. Поэтому и идут постоянные стычки с соседями. Слишком много раздать – самому жить не на что. Еще часто угоняют в полон чужих данников и селят на новых землях или разоренных.

– А чем владеет Ярополк?..

Сентябрь 1931 г.

М-да... Вот таким образом и зарабатывают комплекс неполноценности. Куда там до подобной реакции разнообразным критикам. Им охота за твой счет самоутвердиться, выискивая в написанном то, чего там никогда не было, и подводя под свои странные построения целые теории, с упоминанием новомодного подсознания и тяжких травм детства. Ну, пишут, пусть дальше стараются. Я лучше знаю, что именно хотел сказать, и на самоутверждающихся умников могу только посмеяться.

И так понятно, что подробной записи разговора никогда не было, а приехал он вовсе не с мешком планов за спиной. Очень неуютно стало на Родине после смерти покровителя. Пришлось приспосабливаться к окружающему миру, и данный вариант для Руси оказался гораздо лучше создания аналога инквизиции. А предусмотреть все никто не способен. Это надо быть всезнающим и всеведающим, не забывая проверять в будущем, насколько удачно и правильно выполняются твои рекомендации, и возвращаться в прошлое исправлять неправильные. Самые лучшие побуждения и продуманные действия очень часто дают противоположный результат.

И все-таки вот такое поведение первой слушательницы серьезно раздражает. Она совершенно спокойно заснула посреди текста. Это настолько было скучно – или она просто устала? Предпочтительней думать, что дело все-таки в предыдущих физических упражнениях и усталости. Вон как пристроилась у меня на плече – не хуже кошки, совершенно искренне считающей, что люди существуют для ее удобства.

На самом деле не сильно мне верится, что подобная тема могла заинтересовать девушку. Уж очень она практичная, и подобная тема должна мало волновать ее. Истории давно прошедших веков не слишком занимают. Вот «что будет на следующей неделе» – очень интересный вопрос. Отпуск у меня не резиновый, да и корабль вечно в порту стоять не станет.

Ладно... Это я потом попробую сообразить. Что мне самому не понравилось? Добавить описание жизни в городе – раз. Вставить в прямую речь устаревшие слова, но чтобы все было понятно, для создания атмосферы – два. И не злоупотреблять такими выражениями. Раздражает, по себе знаю.

Завтра. Пусть отлежится, а уж потом стоит вносить исправления, на свежую голову...

* * *

– Это Русь? – с легким недоумением спросила Настя, озирая окрестности.

На берег мы попали, дождавшись, пока туристы организованно покинут теплоход, загрузившись в специально присланные автобусы. Естественно, кроме тех, кто, как обычно, не способен был самостоятельно передвигаться. Что запрет на алкогольные напитки вызовет ответную реакцию, нетрудно было догадаться, но не до такой же степени! Некоторые американцы вообще не просыхали с утра до вечера. Те, что поумнее, наострились не столько осматривать достопримечательности Одессы, которых здесь имеется, кроме лестницы, еще не больше десятка общественных зданий, а хорошо затариться на берегу прославленной русской водкой по низкой цене. Честно сказать, и театр, и биржа, и здание городского управления, и даже еще кое-что – строились по планам архитекторов с известными именами, но я так и не стал знатоком зодчества. Обычно меня гораздо больше интересует, где мертвые зоны при обстреле и куда можно подложить взрывчатку, чтобы снести дом одним взрывом. Профессиональная болезнь, от которой сложно избавиться, даже когда не на работе. Если пресса не будет себя беречь, легко попасть в переделку. Спасение журналистов от пуль очередных сепаратистов – исключительно их собственная обязанность.

Я собирался показать Насте реальный город. Один из трех в Руси, находящийся в свободной экономической зоне и невероятно разросшийся, превратившийся заодно в Вавилон-

ское столпотворение всех народов, населяющих Республику, и попутно давший еще приют множеству иностранцев. Город рабочих и спекулянтов, порт и множество торговых фирм, суетящихся вокруг. Город приезжих из деревень и городских жителей, гордых сознанием проживания здесь уже третье поколение. Город нищеты и богатства, множества разнообразнейших магазинов, в которых можно приобрести все что душе угодно, и мелких лавочек, едва-едва сводящих концы с концами.

Черное море, Балтика и Тихий океан. Трое главных морских ворот Руси в остальной мир, в которых крутятся огромные капиталы и множество интересантов. Наша витрина и наша язва. Здесь низкие налоги, и предоставлена возможность неплохо заработать. Здесь собираются разнообразнейшие мошенники с ворами и честнейшие люди. А еще здесь только иностранец не заметит тяжелой руки полиции и УПБ.

– В чем проблема? – с удивлением спрашиваю. – Одесса¹⁶ основана русскими и заселена, уже очень давно, подданными империи.

Последний час мы двигались пешком по улицам. Я решил повести напрямую, а не по основным бульварам. И короче, и удобнее. Не то чтобы замечательно знал город, но районы возле центра застраивались по четкому плану, и здесь не заблудишься. Окраины – другое дело. Там самопроизвольно выросли Шанхай с Истамбулами, и в некоторые места лучше было постороннему не соваться. За приличную пару ботинок могут и по башке дать, не постесняться.

– Вот это все, – показывая на дома, сказала она, – больше похоже на места, где я выросла. Как будто и не уезжала из Америки. Чистенькие двух-трехэтажные дома с палисадниками, даже одежда не слишком различается.

– Так здесь живут люди... Э... скажем так... со средним достатком. Вполне приличный район. Западное влияние. Строилось еще во времена, когда с Великобританией тесно сотрудничали. Не думаешь же ты, что мы по-прежнему дома ходим в халатах, скрывая это от пристального взгляда западной общественности.

– И тубетейках, – пробурчала она, – на бритых головах. Борода при этом должна быть обязательно, а в зубах кинжал.

– От бороды все взрослые мужчины избавились по необходимости давно. Когда на фронте пришлось надевать противогаз – она мешала. Потом гладко выбритое лицо стало знаком принадлежности к воевавшим, а военные у нас в почете, и знак превратился в моду. А этот головной убор, – наставительно сообщаю, – называется тафья. – И очень многое мог сказать любому жителю страны по поводу имущественного положения, происхождения, и даже о занятиях. А потом одним из первых указов Республики запретили ношение. Вот в вашей Америке без шляпы нормальный мужчина из дома не выйдет, а у нас принципиально ходят с непокрытой головой, не используя дурацких котелков западного типа. Пока уши мерзнуть не начнут. Впрочем, дома тафью, бывает, и носят. Вот на улицах – редко, разве что в деревнях. Восточное великолепие с приходом Диктатуры очень быстро сошло. Народ железной рукой загоняют в рамки прилично выглядящих с точки зрения Запада. Внешне мы европейцы, но в душе все равно азиаты. Страшное и подозрительное раздвоение. В результате разнообразные слависты мучаются по поводу русской души и понятия духовности, пытаюсь в нас разобраться. Мы и сами-то ничего не понимаем. Живем себе и не обращаем ни на кого внимания.

Мы повернули на перекрестке направо, и я остановился, давая возможность рассмотреть.

– А вот и основное отличие от вашей Америки, – сообщил тоном гида. – Площадь Согласия. Туристам редко показывают. Неофициально называется «Четыре угла». Надеюсь, понятно почему.

– Да, – с чувством сказала Настя, – вот это страшно оригинально.

¹⁶ Город основан на месте проживания едисанской орды. Междуречье Днестра и Южного Буга. Первоначально назывался Едиса. Со временем название трансформировалось в Одессу.

Городская легенда рассказывала, что это была идея городского губернатора, но на самом деле построено было в далекие времена, чуть ли не при основании Одессы, когда населения было не слишком много. Стены были уже заметно темными от времени, хотя за ними внимательно следили и старались не уступать соседям, старательно украшая здания.

– Это суннитская мечеть, а прямо напротив – саклавитская, – поясняя и на недоумевающий взгляд показываю, – есть четкая примета. Если башенок-минаретов нет, значит, саклавиты. Считается, что эти пристройки изобрели гораздо позднее, чем русские стали правоверными, а звать воплями на молитву запретили еще при каганах, чтобы не раздражать основное население Руси, так что нефункциональная пристройка, но все равно ставят. Желают отличаться хоть в этом.

– Про церковь мне объяснять не надо, – пробормотала она. – Ничем не отличается от знакомых. Католики?

– Конечно. Вот в бывшей Польше, в городах, таких сооружений днем с огнем не найдешь. В конце восемнадцатого века, после восстания, все уничтожили. Полная конфискация церковных земель, разрушение особо запятнавших себя сотрудничеством с мятежником монастырей и выселение огромного количества народу. Разве что крестьян не особо трогали, только кто сопротивлялся, а всю верхушку дворянскую и церковную отправили осваивать Сибирь. А пейзажам повесили на шею даже не двойной, а тройной налог, по сравнению с окружающими, и земли отобрали в собственность монаршего дома. Кто хотел нормально жить, должен был перейти в мусульманство, иначе это была просто растянутая на десятилетия агония хозяйства. Так что города в Висленской губернии сейчас русские. И деревни тоже: конфискованные имения отошли к русским.

Она покосилась на меня и процитировала: «И послал я во все стороны пленить и жечь, не осталось целого ничего, все разорено и сожжено, и взяли твои ратные государевы люди в полон мужеска и женска пола и робят несколько тысяч... и чего не могли поднять, покололи и порубили».

И вечно одно и то же декламируют. Никакой фантазии. Так и кочует это донесение из книги в книгу. Совсем не ангельски мы себя вели в 1798 году, но это больше чем на двести лет раньше, в Ливонии произошло. Как будто англичане ирландцев не били, а французы с немцами религиозных войн не устраивали.

– Я ж не в оправдание, – говорю, – а честно объясняю. Все эти борцы за свободу сами наварались, перебив всех русских, до кого смогли дотянуться в самом начале. Потом уж получили ответную и очень неприятную реакцию. На что рассчитывали, кроме собственного непроходимого идиотизма и надежд на заграничную помощь, даже очень тщательное следствие не обнаружило. Гладить их по голове или оглядываться на просвещенную Европу нам, варварам, было не обязательно. За массовые убийства надо платить, а иметь нелояльное в основе население опасно. В течение двух лет все проблемы были решены навсегда.

Особо упертые до сих пор Езуса Крайста поминают, но большинство поразбежалось. Кто в Америку или Европу, кто вот сюда. В бывшей Польше сейчас проживает меньше католиков, чем в Одессе. Если честно, то поляки, как народ, только у нас и сохранились. На Западе они прекрасно ассимилируются. А в Австрии уже не поляки, а силезцы. Ни то и ни се. На Руси, в противостоянии, вынуждены доказывать, что не хуже.

– Не очень-то мы ассимилировались в Америке!

– Так недавно уехали. Всему свое время. Четвертый угол, – показываю, – естественно, синагога. В старые времена прямо на площади устраивали побоища стенка на стенку. Не знаешь, что такое?

Настя отрицательно помотала головой.

– Это такой народный обычай, – невольно хмыкнув, объясняю. – Отбирают лучших кулачных бойцов, по предварительной договоренности, и устраивают мордобой. Что-то вроде

спортивных соревнований, но не профессиональных. С денежными ставками, а иногда и с личными счетами. Говорят, еще так проблемы решали купцы, когда в суд ходить не хотели. Выставляют команду против команды, и кто победил, тот и прав. Почти по «Русской правде». Сейчас здешние жители стали цивилизованными и решают коммерческие проблемы в арбитраже. А вместо «стенка на стенку» имеется масса спортивных клубов по боксу, борьбе и другим атлетическим видам. Штангу поднимают, например, но я этого не люблю. Пустое дело, азарта нет.

– В морду до крови – лучше?

– Конечно! Это был прекрасный клапан для сброса агрессии. Существуют четкие правила, и за их исполнением следят авторитетные священнослужители. Есть у тебя претензии к соседу – выйди и продемонстрируй. Все лучше, чем ночью поджидать с кистенем за углом. Да и, кроме всего прочего, заводятся связи, знакомства, и это то, что у англичан называлось клубами. Только туда женщин не допускали, а у нас было полное равноправие в этом смысле, да еще и на свежем воздухе. Где еще, кроме храмов, можно пообщаться с противоположным полом свободно и себя показать? Вместо бессмысленных дискуссий о религии, ничего не дающих обычным людям даже в выходные дни, возможны были встречи и регулярные контакты иноверцев. Посидеть во множестве трактиров с любой кухней и заключить там сделки.

Полное взаимопонимание, оканчивающееся походами по магазинам. Еврейские не работали по субботам, мусульманские по пятницам, а христианские по воскресеньям. Всегда можно было зайти в другой магазин и пообщаться, обсуждая достоинства товаров.

– А мы случайно не туда направлялись?

Похоже, имеет место тонкий намек. Надо заканчивать с просвещением и приступать к более интересным для женщины вещам.

– Так. Красоты архитектурного стиля тебя не привлекают. Следуем дальше. Обещал новое платье – значит, приготовься.

Еще два квартала от некогда знаменитой площади – и мы попадаем по покрытым асфальтом дорогам на проспект Ганова. Разве что в мечтах он мог надеяться на такую память. Не орден отвалили на грудь, а назвали в его честь главную торговую улицу.

Слава великому деятелю, открывшему здесь первую лавочку по продаже всего на свете! Мог ли он представить, что через сотню лет длинные ряды торговых точек протянутся от края и до края всего района. По ночам будут сверкать многочисленные стеклянные окна под электрическим светом, а по дороге ездить самобеглые коляски? Не мог! Он и слов таких не знал, хотя и был хитрый перец, к концу жизни подгребший под себя немалую часть торговли хлебом и сказочно обогатившийся. И прославился вовсе не своей первой лавкой, а тем, что всегда старался для города, открыв первую больницу, построив городской театр и выделив очень серьезные суммы на ремесленные училища. Даже в завещании прописал парочку миллионов на нужды города.

Так что не его заслуга, что стало с районам, но руку он приложил, за что и помнят. Когда-то жилой, он давно превратился в один большой магазин. Они присутствуют в любом виде. Специализированные и универсальные, для богатых покупателей и для бедных. Каждому свое – огромный ассортимент на все случаи жизни и для любого покупателя. Если уж мы завалили пол-Европы продукцией легкой промышленности, то уж для себя расстарались. Заодно и все сопутствующее. Трактиры, рестораны, забегаловки и гостиницы разного уровня. Может, и не Париж, но я там не был и заочно считаю, что у нас ничем не хуже. Все, что можно купить там, представлено на полках здесь. Абсолютно все. И еще чуть-чуть.

Я придерживаю за локоть Настю, не позволяя ей пронестись в сторону ближайшей завлекательной витрины через дорогу и пропуская мимо шикарный спортивный автомобиль с откидным верхом, несущийся на высокой скорости. Неизвестно еще, кто кого собьет при такой целеустремленности, но объясняться потом мне. И покорно следуя за ней. За спиной, воняя

паленой резиной и визжа тормозами, машина останавливается и несется назад. Развернуться водитель даже и не подумал, глубоко плюя на все правила дорожного движения и приближаясь задом. Если бы мы были в американском фильме, сейчас бы начали палить во все стороны мрачные личности в темных пальто и надвинутых на глаза шляпах, но мы в Одессе, а я еще не успел наступить на хвост здешним бандитам, так что презрительно игнорирую. Опять визг тормоза. Раздается изумленный вопль:

– Берик!

Из машины, даже не пытаясь открыть дверцу, великолепным прыжком выскакивает мечта сдвинутых на голову немецких страдалцев по истинным арийцам. Двухметровый блондин с прекрасным лицом, квадратным подбородком и синими глазами. Весь из себя страшно мускулистый и прекрасно одетый. Белый костюм от лучших модельеров и лакированные ботинки, просто обязанные вызвать у меня чувство зависти. Он даже на фронте, в окопах умудрялся всегда выглядеть франтом. В сравнении с остальными, конечно.

– Я сразу почувствовал, как русским духом запахло, – орет он.

Это я ему как-то, хорошо подвыпив, рассказывал, откуда эта фраза появилась в сказках. Славяне в древности вырубали место под пашню, сжигали деревья, заодно и удобряя почву, а через несколько лет, когда земля истощалась, перебирались на новое место. Естественно, участки готовились заранее, и процесс был непрерывным. Очень научно этот метод называется подсечно-огневым. Для степных соседей люди, регулярно занимающимися поджогами и провонявшие насквозь гарью, сразу отличались по запаху.

Ему так понравилось, что обязательно напоминает при встрече. Как будто его предки не пованивали навозом, которым топили, и потом, месяцами не моясь.

С довольным ревом он обнимает меня, сжимая в страшных объятиях, способных задавить медведя, и тут же отодвигается, склоняясь в отточенном длительными тренировками поклоне.

А вот в этом я ему всегда завидовал. Как он классно умеет переключаться, обнаружив рядом симпатичную женщину. Минуту назад был кровожадный зверь – и тут же становится страшно воспитанным светским человеком.

– Позволь представить – Улуг Йортнинг, ве Техти Кырымнинг, ве Дешти Кыпчакнинг, улуг хани, – хладнокровно сообщаю и, специально для растерянно хлопающей глазами Насти, добавляю, – что означает: Великий Хан великой орды и престола (государства) Крыма и степей Кыпчака Ахмет Кирей.

– Настя, – говорит она, протягивая руку.

Ахмет припадает к тыльной стороне ладони страстным поцелуем.

– Вот именно его и надо благодарить за угоны в рабство твоих предков, – со злорадством добавляю. – Мы были только на подхвате, а злодеи приходили из Крыма.

– Это преувеличение, – с легкой насмешкой заявляет он. – И по первому вопросу, и по второму. Титул отменили уже давно. Даже не при Республике, а еще в девятнадцатом веке. Приблизительно в те же времена, что и превратили Польшу просто в губернию. И потом нас русские натравливали. В отместку за польские шуры-муры с турками. А крымские татары всегда были невинными овечками. И полячек просто обожали.

Сразу, стервец, сообразил. Всегда был шустрым малым.

– Абсолютная правда, – говорит, – я по мужской линии потомок и имею право на титул хана, но это страшная морока и абсолютно излишние проблемы. И кроме того, части ваших родственников первоклассно повезло. Как минимум с десяток угодили прямиком в сераль и неплохо там прижились. Мой папа всю жизнь сидел под каблуком у жены и боялся пикнуть. Отводил душу только на войне, героически рубя врагов и представляя на их месте любимую супругу. Заслужил кучу орденов и генеральское звание, но дома не смел голоса повысить. Про-

рок – мир ему – сказал: «Советуйся с женами, но поступай вопреки». Он не советовался – просто поступал, как ему указывала жена.

Это несколько более поздние времена, но традиция отбирать себе в жены красивейших пленниц из полячек существовала длительное время. В результате получился несколько странный результат. В лице меня и моей сестры. Представляете, – не обращая на меня внимания, разливался он, – потенциальные подданные у меня сплошь брюнеты и кривоногие коротышки. А я вот такой из себя. Он гулко постучал в могучую грудь.

И, что бы он там ни болтал, родовая память предков-конокрадов никуда не делась. Большой был специалист по присвоению частной собственности в виде любого продовольствия. Что картошки спереть, что теленка. Как будто и не лейтенант гвардии, а каторжник с массой воровского опыта. Почему не пошел по коммерческой части, а переложил все эти труды на свою сестру, – я так и не понял. Ему на роду написано быть вороватым купцом.

Еще минут пять легкого разговора – и я сообразил, что он не хуже меня, специалиста в интервью, выведаль подробности, откуда Настя взялась и чем занимается. Определенные выводы были сделаны, и начались действия.

– Ничего не желаю слушать, – уверенно говорил Ахмет, увлекая ее в сторону машины. – Неужели не интересно, как делают кино? Посмотрите своими глазами. Тебя это тоже касается, – это он уже мне. – Не так уж часто встречаемся, один раз сделаешь по-моему. Потом нормально посидим, выпьем и закусим. Магазины никуда не убегут.

Я пропустил Настю вперед, открыв дверцу, и послушно полез на заднее сиденье. Какая, собственно, разница, чем заниматься в отпуске? Да и любопытно посмотреть на Ахмета в рабочей обстановке.

«Балтиец» взревел форсированным двигателем и понесся по улицам, распуская гудками пешеходов.

– Он что, действительно имеет отношение к киностудии? – тихо спросила меня Настя.

– До сих пор я считал, – так же тихо отвечаю, – что единственное, к чему он имеет отношение, – это порча нервов его сестры Васили. Он заставил ее заниматься семейными делами. Как оказалось, очень удачно. Наверное, это семейное проклятие, передающееся из поколения в поколение. Мужская часть не желает ничего делать, кроме как стрелять во врагов Отечества, причем очень умело. Остальное им не интересно, и в промежутках между войнами лежат на диване и читают газету. Как надоедает, отправляются гулять по...

– Я догадалась, – хихикнула Настя, поняв, что я пытаюсь найти слова поприличнее.

– Ну да, – с облегчением подтверждаю. – После всех радостей начала века они крайне обеднели. Войны, революции, мятежи, аграрная реформа. Раньше хоть и не ханы, но земель имели достаточно много и с арендаторов жили. А тут стало по-настоящему тяжело и плохо. Характер не переделаешь, трудиться Ахмет не желал, а диван продали. Вот они полюбовно и договорились. Все дела на себя взяла его сестра. Они близнецы, но абсолютно разные. Не по внешности. Как раз снаружи не отличишь. Василия – это такой женский вариант викинга. Валькирия. Ничего не боится, и вместо мозгов счеты. Костяшки стучат и складываются в правильную картинку. Начинала с ерунды какой-то, даже у меня одалживала, а золота у меня сроду не имелось, и только потому что времена изменились. Кто бы при Кагане ей позволил финансовые дела вести? Девушка должна сидеть дома и ждать мужа. В нашем случае – непутевого брата. А тут развернулась...

Я все-таки человек достаточно публичный. У меня знакомых сотни, и во всех сферах, но такого не помню. У нее нюх на деньги. Причем нога ее в жизни не ступала ни в какие коммерческие училища. Что-то там про словесность изучала до войны и так и не закончила. Деньги буквально прилипают к ее рукам. Сигареты, горячее, цемент, текстиль, сельскохозяйственные машины... Все что угодно. Если она взялась за это, значит, в накладе не останется. Первый фильтр от сигарет чья компания изобрела? То-то. Патент получен в двенадцатом году, продажа

новых сигарет уже в следующем началась. Они ведь первоначально рассчитывали на женщин, у которых при курении к губам прилипал табак. Ну не понравилось Васили отплевываться. Не эстетично. А потом и мужчины сообразили, что лучше. А заодно в изготовлении используется лен, а после войны его девать некуда было. Хозяйства разорались, а тут покупатель нашелся. Дикие деньжищи заработала.

Ахмет, – вкрадчиво спрашиваю, наклоняясь вперед, – сколько у вас миллионов?

– Этого никто не знает, – безмятежно сообщил он. – Особенно я. Меня к этим делам не подпускают на пушечный выстрел. Но много. На веселую жизнь хватает.

– Я не помню такой фамилии – Кирей, – моща лоб, сказала Настя. – То есть хан такой был. А вот миллионщик...

– Она по мужу Игорева, – просветил Ахмет. – Концерн Игорева. Строительство и торговля. Представляете, захотела прикупить заводик по производству холодильной техники. Мало ей того, что уже имеется. Мне жалко ее несчастного мужа, который существует исключительно для воспитания детей. Они ролями поменялись. Он руководит домашними делами и следит за кухарками, а она уезжает с утра на работу в контору и до ночи не появляется. Тьфу! – он плюнул на дорогу.

– Восточный человек, – пожав плечами, сказал я.

– И на тебя тоже, – беззлобно сообщил он. – Завтра же позвоню твоим родителям и сообщу, что ты в стране.

Я на всякий случай промолчал. Угроза была нешуточная. Стоит мне появиться, и мать начнет собирать потенциальных невест. А уж дырку мне в голове будут делать всем семейным коллективом. Они уже давно согласны на кого угодно, лишь бы наконец женился, но никак догнать меня не могут и связать. Привезти Настю, что ли, познакомиться?

– Вы привезли? – обрадованно вскричал при нашем появлении молодой человек, претендующий на богемный облик. Во всяком случае, на шее у него висел шелковый платок, а на голове красовался помятый берет. – Какое счастье, – с неподдельным энтузиазмом воскликнул он и, вцепившись в Настю, поволок ее по коридору.

Не знаю уж, что она там думала, оглянувшись на меня, про темпераментных русских мужчин. Сначала один увлекает в неизвестном направлении, теперь другой, и все куда-то тащат, но сопротивляться не стала.

– Мечислав уже всех со свету сжил, люди боятся попадаться ему на глаза, – возбужденно рассказывал богемный тип на ходу.

Я посмотрел на Ахмета.

– Коршунов, – объяснил тот, подмигивая. – Совершенно не желает себя контролировать в подобных ситуациях.

– Гений, – подтвердил молодой парень.

Я понимающе кивнул. Гении – они все больные на голову. Приходилось сталкиваться. Семья от его поведения рыдает горькими слезами, зато посторонние люди при виде окончательного результата впадают в восторг. Данный экземпляр ничем не лучше. Слышал я пару историй, как он актеров доводил до нервного срыва своими придирками, но после «Кровавого потопа», получившего кучу международных премий и замечательные отзывы критики, он еще и не то себе мог позволить. Кроме действительно замечательной картины, он получил еще и признательность Диктатора за правильное освещение патриотической темы борьбы русского народа против сепаратистов – и имел всех в виду. Розницей и оптом.

Еще из-за угла были слышны громкие крики. Мужской голос не выбирал выражений, женский слабо оправдывался. Возражения не убеждали даже меня. Начальник сказал представить под его светлые очи фотогеничную блондинку – старайся, а не жалобно ной.

– Так, – сказал уже знакомым голосом низкий и толстый мужик с абсолютно лысой головой, поворачиваясь на стуле в нашу сторону. – Сюда ее!

– Минутку, – попытался я вмешаться.
– Это кто? – надменно спросил Коршунов. – Что он делает на площадке?
– Это мой друг, – совсем не легонько вбивая мне локоть под ребра, так, что перехватило дыхание, заявил Ахмет. – Он уже молчит.
Режиссер моментально забыл про меня и приказал:
– Читайте.
– Что? – растерянно спросила Настя.
– Что хотите, – отмахнулся он. – Ну!
Она неожиданно усмехнулась и стала читать стихи:

А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни – мимо,
Пули – мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Все это потому,
Что рядом
Стоит и бережет меня
Твоя любовь – моя ограда,
Моя защитная броня¹⁷...

– А теперь встаньте вот так, – потребовал Коршунов. – Сняли? – Оператор показал большой палец. – Еще и легкий акцент имеется. Очень хорошо. Петь тоже можете, милочка?

– Я все могу, – нахально заявила Настя. – Только еще раз назовете милочкой – развернусь и уйду. Я тут проездом и не напрашивалась.

– Пойте! – потребовал режиссер, не обращая внимания на попытку поставить его на место.

– Что тут происходит? – уже зло спрашиваю Ахмета.

– Слушай, – шепотом взмолился он, – ты ж сам сказал: певица и актриса. Что тебе – жалко, что ли? Берик, – жалобно попросил он, – не лезь. Никому от этого плохо не будет. Вот этот наш великий деятель получил заказ с самого верха снять фильм про нашествие мунголов. Ему просто до зарезу нужна Ярославна. Ну, знаешь, слезы крупным планом по поводу убитого мужа, потом обнаженный клинок в руках. Клятва о мести. Большая битва и героическая смерть. В конце трагическая музыка. Классный фильм может выйти. Уже кучу сцен сняли, а он все перебирает актрис. Никто ему не подходит на главную роль. Если уж заиклился на определенном типаже, можно бить топором по голове – ничто не поможет.

Я поперхнулся и pokrutil пальцем у виска. Прижизненных портретов в те времена не делали, но происхождение у княгини было самое что ни на есть половецкое, а у сыновей и внуков, по летописям, были ярко выраженные скулы с узкими глазами.

– Не хуже тебя знаю, – шепотом сказал Ахмет. – Еще и лет на двадцать старше. Ничего не поделаешь, время такое. Мы, русские, блондины с европейскими чертами лица. Так приказано считать. А если, – с угрозой в голосе добавил он, – посмеешь что-то умное сказать про татар, я тебе уши оборву.

¹⁷ Стихи Юлии Друниной.

– Да ладно, у самого в роду кого только не было. Саклавит – это русский. Точка. Как теперь будут выкручиваться, когда пишут не по вероисповеданию, а происхождению, не представляю. В Фергане вообще половина родственников оказалась русскими, а вторая не пойми кем. Два брата разной национальности – натуральный бред. По-моему, Салимова с его идеями чересчур круто занесло. Как бы потом это боком не вылезло. Тем более с блондинами. Категорически не согласен с постановкой вопроса. Я – брюнет.

На самом деле все еще хуже. Просто я этого говорить не стал – он и без меня прекрасно знает. В новомодной теории русской нации способен сломать ногу любой шайтан. Официально считается, что русский – это тот, кто говорит на русском языке и считает себя русским. Происхождение, вероисповедание, цвет кожи, разрез глаз и строение черепа значения не имеют. Неофициально – это те, кто до Республики писались саклавитами. Цель национальной политики – максимальное уравнивание в правах всех русских (и коренных, и ассимилированных, «новых русских»). И остальное, понятное дело, тоже было для всех – призыв в армию на общих основаниях, налоги. Все получили равные права, и такого, как при Откате, больше нет с начала Республики. И очень надеюсь, не будет. Повторения Гражданской войны мне не требуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.